

ГЛЕН КУК

П.О.Р.Т.А.Л ТЕНЕЙ

ХРОНИКИ ЧЕРНОГО ОТРЯДА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Хроники Черного
Отряда: Портал Теней**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Хроники Черного Отряда: Портал Теней / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 2018 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-18296-7

Солдаты Черного Отряда не задают вопросов нанимателям. Они берут деньги и выполняют работу – любую работу. И за это Госпожа ценит их больше, чем все остальные свои войска. Но прослыть любимцем Госпожи – все равно что повесить себе на спину мишень. Очень уж много недругов у этой грозной правительницы могущественной северной империи. Они есть даже среди Взятых – сверхсильных колдунов, не по собственной воле ставших ее подручными. Черный Отряд получает новую задачу: помочь волшебнице по имени Озорной Дождь разгромить армию мятежников. Вот только Костоправ, отрядный летописец, не верит Взатым – и особенно той, кто так похожа на Госпожу и ее чудовищную сестру. Новая летопись! Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-18296-7

© Кук Г. Ч., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Пролог	6
1. Однажды в Сумраке	7
2. Давным-давно в далеких землях: также известная как Бетдек	8
3. Наши дни: Тидэс Эльба	9
4. Однажды: Дóма у некроманта	28
5. Давным-давно в далеких землях: Напуганная принцесса	30
6. Наши дни: Чуя опасность	32
7. Однажды: Вопреки объективной реальности	52
8. Давным-давно в далеких землях: Сестры	54
9. Наши дни: Костяная пыль	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глен Кук

Хроники Черного Отряда. Портал Теней

Glen Cook

Port of Shadows

© 2018 by Glen Cook

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Мне было позволено записать случившееся, но я не сомневаюсь, что данные Анналы исчезнут, никем не прочитанные, а те из нас, кто стал свидетелем изложенных здесь событий, забудут пережитые минуты любви и ужаса.

Все началось в мрачный для человечества день, когда Владычество стояло на краю бездны. Лишь по счастливому стечению обстоятельств мне удалось узнать об этих событиях: важные документы были конфискованы у беглых воскресителей из Хонно. Расшифровать их я не смог и передал в Чары.

Неизвестный доброжелатель вернул мне перевод, который, несомненно, был отредактирован, отцензурирован и купирован. Тем не менее этот текст вполне может послужить каркасом, который я облеку весьма практичной иллюзией истины.

1. Однажды в Сумраке

В ночи слышался лишь цокот копыт по мокрой брусчатке. Лунный серп подмигивал из-за косматых облаков, освещая мрачные шпили Грендирфта. В самой крепости не было видно ни огонька.

После дождя наступил прохладный штиль. В имперском Сумраке пахло разлагающейся плотью.

Время для нашествия насекомых еще не пришло.

В ярде от водосброса ничем не огороженной сточной канавы остановилась черная карета. Отсюда сток попадал в крепостной ров с проточной водой, предназначенный больше для удаления нечистот и помоев из замка, чем для его обороны.

Возница отвязал поводья и слез с козел. Встал по стойке «вольно, по-парадному» у канавы, но вскоре повернулся, открыл дверцу кареты, вытащил багор и взял его наперевес, как алебарду.

Тело с легким всплеском упало в воду и всплыло на поверхность ровно там, где дожидался возница. Ему даже не пришлось воспользоваться багром.

Он осторожно достал девушку из канавы. Покойница то и дело норовила выскользнуть из рук. Дождь разбавил сточную воду, и девушка не успела пропахнуть. В другой день это случилось бы обязательно.

Одежды на ней не было. Заметных ран на теле – тоже. На вид ей нельзя было дать больше пятнадцати лет. Возница поднял ее как пушинку и погрузил в карету. Закутал в одеяло, пристроил в углу. Когда он закончил, девушка выглядела спящей – или пьяной до потери сознания.

– Эй, ты! – раздался оклик откуда-то сверху. – Чего здесь забыл?!

Возница понимал, что никто не успеет спуститься с высоты в восемьдесят футов так быстро, чтобы помешать ему или хотя бы опознать, но и без того беспокойное сердце заколотилось еще сильнее. Он полдесятка раз отрепетировал сегодняшнюю миссию, но до сих пор не был замечен.

Он не стал гнать карету. Кому придет в голову выяснять, зачем она стояла у водосброса сточной канавы, пусть и в час, когда прихвостни Властелина избавлялись от отслужившей свое девственницы?

Ворота Сумрака никогда не закрывались. Вторгнуться в столицу ужасной империи, когда там находился ее повелитель, мог осмелиться лишь самый отчаянный глупец. Таковых среди ныне живущих не было.

Тем примечательнее была дерзкая вылазка возницы.

Стражникам у Нефритовых ворот не было причин мешать ему покинуть город. Однако, как принято, небольшая сумма денег все же перекочевала в их руки. Взамен солдаты ограничились поверхностным досмотром.

– Моя дочь, – объяснил возница. – Ей всего четырнадцать, а надралась в доску. Стыдоба! Но я ее все равно люблю, что уж тут поделаешь.

Младший солдат хмыкнул.

– Проныра, видишь, что тебя ждет? – сказал он напарнику и добавил: – У Проныры три дочери растут.

– Как исполнится одиннадцать, посажу их под замок и не выпущу, пока замуж не выдам. А твою лучше вообще на цепи держать, – сказал он вознице. – Езжай!

Возница забрался на козлы, дернул поводья и с облегчением выдохнул.

Времени было в обрез.

Долго девушка не протянет.

2. Давным-давно в далеких землях: также известная как Бетдек

Когда главный камергер обнаружил, что от сегодняшней гостьи Властелина избавились, как будто она не одна из сестер Сеньяк, а надоевшая игрушка-простолюдинка, в Грендирфте поднялся переполох. Уборщики были новичками. Их предшественники, наделав глупостей, сами отправились в сточную канаву, а смену еще не успели обучить.

От страха главный камергер едва не исторгнул из себя все съеденное за неделю. Ему хватило самообладания сообщить о происшествии Бетдек, которая была немного старше своей пропавшей сестры.

– Должно быть, он потерял над собой контроль. В последнее время дает волю рукам... – Главный камергер пытался снять с себя вину, предполагая, что жить ему осталось всего ничего, а смерть будет долгой и мучительной.

Тон Бетдек был ледяным.

– Понимаю. Рано или поздно это случилось бы с одной из нас. – Сама она пережила несколько визитов к Властелину. С ней и старшими сестрами тот не был так жесток, как с Доротеей, которая полностью отвечала его вкусам. – Он убил ее? – Это было бы роковой ошибкой безумного императора. – Избавился от нее, как от всех своих прежних безымянных ночных игрушек? – Бетдек была настолько шокирована, что даже не вышла из себя. – Не могу представить, что он способен на такое даже под опиумом.

– Я отыщу ее тело, – пообещал главный камергер.

– Не сомневаюсь. Оно понадобится нам, когда Властелин снова захочет ее общества. Иначе погибнуть можем мы все.

Бетдек надеялась, что он настолько спятил, что уже не вспомнит об убийстве. Такого страха она еще никогда не испытывала. Если безумный император пренебрег договором с родом Сеньяк, этому роду не выжить. Впрочем, как и Властелину. Пусть он и величайший колдун всех времен, но даже ему не совладать со всем миром без поддержки тех, кто привел его к абсолютному владычеству.

– Я отыщу ее и верну, – повторил главный камергер.

Это будет нетрудно. Всего-то нужно выловить ее из сточного рва.

Но во рву тела не оказалось.

Нашлись другие тела, человеческие и не только, на поверхности и на дне, но ни одно не принадлежало младшей сестре Сеньяк.

Главный камергер никогда еще так не паниковал. Его ужас передался другим.

3. Наши дни: Тидэс Эльба

Мы играли в тонк. Одноглазый был в дурном настроении. Проигрывал. Опять. В общем, все как обычно, разве что никто не хотел нас убить.

Эльмо раздал. Одноглазый простонал. Я взглянул на карты:

– Это что, сдача? Опять кучка дерьма!

– Бреешь, Костоправ, – сказал Масло. – Ты шесть партий из последних десяти выиграл.

– И каждый раз врал о плохой сдаче, – добавил Эльмо.

– Я не врал, когда сам сдавал.

Не соврал я и на этот раз. У меня даже пары не было. Никакой швали, единственная «картинка». Одной масти только бубновые семерка и валет. Нормальную группу до самой смерти не соберешь.

Как бы то ни было, одно мы знали наверняка: колдуну в кои-то веки хорошо зашло.

– Тогда будешь всегда сдавать.

Я сделал первую ставку. Потянул карту, сбросил и спасовал, когда снова пришла моя очередь.

Одноглазый открылся с десятью картами. Ничего выше тройки. Его старая заскорузлая рожица расплылась в беззубой ухмылке. Он сгреб выигрыш.

– Это вообще честно?! – запротестовал Эльмо.

За нами наблюдали полдюжина зрителей. Кроме членов Отряда, в «Темной лошадке» никого не было. Это заведение стало нашим логовом. Хозяин Маркег Зораб не знал, радоваться ему или огорчаться. Мы были не самыми желанными гостями, но платили исправно и щедро.

Обвинять Одноглазого в мухлеже никто не стал. Гоблин, устроившийся прямо на соседнем столе, напомнил Эльмо:

– Ты ведь сам сдавал.

– Ну да, тут не поспоришь.

Одноглазый частенько мухлевал. В простой игре, вроде тонка, это сложно, но ему не мешало. Такой уж он человек.

– Везет в картах, не везет в любви, – сказал он непонятно к чему.

– Я бы на твоём месте нанял телохранителей. Женщины двери будут вышибать, лишь бы до тебя добраться.

Гоблиновы шпильки обычно выводили Одноглазого из себя. Мы насторожились, но Одноглазый только ухмыльнулся и сказал Масло:

– Сдавай, неудачник. И пусть твоя рука будет так же добра ко мне, как и рука Эльмо!

Гоблин отпустил шуточку о том, что госпожа Рука – единственная дама, с которой Одноглазый имел успех. Одноглазый по-прежнему не обращал на него внимания.

Я даже забеспокоился.

Масло сдал так, что лучше не стало.

– Вы замечали, что мы, где бы ни оказались, встречаем странные обычаи? – спросил Одноглазый.

Эльмо буравил свои карты взглядом и кряхтел. Масло по-всякому перебирал доставшуюся ему пятерку, значит рука у него настолько плоха, что для него самого от нее нет проку. Одноглазый даже не пискнул – все лыбился. Вот-вот должно было свершиться доселе невиданное: две его победы подряд.

Все повернулись к Гоблину. Тот произнес:

– Масло сдавал.

– Да он карты зачаровал! – прокомментировал кто-то из зрителей.

Одноглазый пропустил реплику мимо ушей:

– А самый странный обычай таков: потеряв невинность, девушка обязана удалять все волосы на теле.

– Большого бреда не слышал! – буркнул Масло. – Мы здесь три месяца, а я еще ни одной бритой бабы не встречал!

Все замерли, в том числе сгребавший выигрыш Одноглазый.

– Чего вылупились? – спросил Масло.

Этот человек снова и снова нас удивлял. Остальное время от времени тратили монетку, чтобы покувыркаться с профессиональной убажательницей. Обычно такие дела не обсуждались, но я мог подтвердить, что ни у одной местной женщины не видел ни волоска ниже шеи.

– Вот те на! – воскликнул Эльмо. – А я-то думал, что это только мне везет на бритых.

– Я думал, они бреются, чтобы вошек не подцепить, – сказал я.

– Не-а. Это у них религия такая чудная.

– Катахрезис, – пробормотал Гоблин.

Одноглазый помрачнел.

Жабья морда Гоблина расплылась в ухмылке.

– Да я не про тебя, заморыш. Ты-то у нас просто хрезис. Катахрезис – это не ругательство, а сочетание противоречивых понятий. Вот как «чудная религия», например.

– Ребята, вы мою удачу сглазить пытаетесь?

– Ишь ты, догадался! – ответил Эльмо. – Разговоры о женских кисках всегда срабатывают. Давай-ка расскажи еще об этих бритых лобках.

Одноглазый собрал деньги. Несмотря на выигрыш, он приуныл. Такую классную тему нам подкинул – недели можно потратить на ее изучение, – и никто на это не повелся.

Я перемешал колоду и принялся сдавать. С каждой взятой картой Одноглазый мрачнел все пуще. Последняя его добила.

– Черт бы тебя побрал, Костоправ! Сукин сын! Говнюк!

Эльмо с Маслом сидели молча, не понимая, в чем дело. Гоблин попискивал от восторга, как воробей в брачный период.

Одноглазый раскрылся. У него была тройка треф, шестерка бубен, девятка червей и пиковый туз. Последней картой был валет мечей.

– Сколько раз ты жаловался, что у тебя и двух карт одной масти нет? На этот раз врать не придется, – сказал я.

До Эльмо и Масла дошло, и они расхохотались громче нас с Гоблином. Зрители тоже вдоволь посмеялись.

Тут в дверь просунулась голова Лейтенанта.

– Кто-нибудь видел Кеглю?

Прозвучало это недовольно, будто ему пришлось работать в выходной.

– Опять в загуле? – предположил Эльмо.

– Похоже. Сегодня его очередь кухарить, а он не явился. Повара уже готовы его на суп пустить.

– Попробую образумить дурака, – сказал Эльмо, несмотря на то что Кегля подчинялся не ему, а Краглеру.

– Спасибо, сержант.

Эльмо умел воспитывать разгильдяев.

– Парни, а что вы вообще здесь расселись? Темно, смрадно... Сходили бы воздухом подышать да на солнышке погреться, – предложил Лейтенант.

– Это наша естественная среда, сударь, – ответил я.

По правде говоря, никто попросту не додумался играть снаружи.

Собрав карты и пиво, мы высыпали на улицу и расселись там. Одноглазый раздал. Разговор о волосах жительниц Алоэ, а точнее, об их отсутствии пошел живее.

День выдался прекрасный: безоблачный, прохладный. Дул легкий, не способный помешать игре ветерок. Зрители тоже переместились на улицу. Одним было интересно просто смотреть, другие надеялись, что для них освободится место за игровым столом. Они присоединились к нашей дискуссии, которая становилась все более пошлой и в которой каждый стремился блеснуть осведомленностью.

– Сколько мы уже играем этой колодой? – спросил я между делом.

Отдельные карты уже до того истрепались, что распознавались по рубашке, но память то и дело меня подводила.

Все с интересом уставились на меня.

– Что-то сейчас будет, – предрек Одноглазый. – Выкладывай, Костоправ, а то у нас есть темы поважнее.

– Что, если эта колода достаточно стара, чтобы зажить собственной жизнью?

Одноглазый хотел было съерничать, но вдруг замер. Он всерьез задумался о такой возможности. Гоблин тоже. Бледный уродец воскликнул:

– Твою же мать! Костоправ, а ты умнее, чем кажешься. Карты обрели разум? Это многое объясняет.

Все уставились на Одноглазого и закивали в такт. Колдун заявил, что карты ненавидят его с незапамятных времен.

Но снова выиграл.

Три победы подряд – сущее безобразие. Следовало бы насторожиться, но вместо этого я снова сменил тему:

– Знаете, а ведь меня уже восемьдесят семь дней не пытались убить.

– Все еще впереди, – сказал Эльмо.

– Нет, правда. Только задумайтесь: на улице мы легкая мишень для кого угодно, но за нами даже не наблюдают. И никто из нас не озирается по сторонам и не жалуется на язвы.

Игра прекратилась. На меня уставились семнадцать глаз. Масло сказал:

– Костоправ, только попробуй сглазить, и я лично тебя придержу, когда кто-нибудь захочет сделать тебе вскрытие твоим же любимым ножом.

– Он прав, – возразил Гоблин. – Мы здесь уже три месяца, но ничего хуже пьяных драк не случилось.

Среди шестисот сорока бойцов Отряда нашлось несколько придурков, чьим любимым развлечением было надрать кому-нибудь зад по пьяни.

– Просто Госпожа по-прежнему сохнет по Костоправу, – предположил Одноглазый. – Вот и подыскала для него местечко побезопаснее. Нам с ним не тягаться. Следите за небом. Рано или поздно она самолично прилетит на ковре, чтобы перепихнуться со своим любимчиком.

– Костоправ, а как у нее с волосами?

Любимчик? Ну-ну. То-то мы целый год бросались следом за Шепот из одного кипящего котла в другой, ни дня не проводя без драки.

Любимчик? Разве что в том роде, когда на тебя взваливают все больше обязанностей, если ты, несмотря ни на что, справляешься с основными.

– Масло, как узнаю – тебе первому скажу.

Я не стал отпускать столь любимых другими вульгарных шуточек. Мой ответ заставил их подумать, что я по-прежнему питаю интерес к самой страшной женщине в мире. На самом же деле я опасался, что она нас подслушивает.

Парень по имени Причиндал сказал:

– К слову о волосах: я был бы не прочь поближе рассмотреть вон те.

Все обернулись и увидели на противоположной стороне улицы весьма красивую девушку. Ростовщик похвалил вкус Причиндала.

На вид девушке было не больше двадцати. Ее светло-рыжие волосы были острижены короче, чем у большинства местных женщин. Сзади они едва касались воротника, а с боков были чуть длиннее. Лоб закрывала челка. Я не обратил внимания на одежду девушки. Немудрено – красotka излучала такую чувственность, что до остального уже не было дела.

Внезапное внимание с нашей стороны напугало ее. Она попыталась смерить нас уничижительным взглядом, но не очень-то получилось. Ускорив шаг, девушка скрылась из виду.

Одноглазый взял карты:

– Эта точно бритая во всех интересных местах.

– Ты ее знаешь? – спросил окрыленный надеждой Причиндал.

У него появилась надежда. И даже цель в жизни.

– Лично – нет. Она из храма.

Служительницы Оккупоеа занимаются священной проституцией. Я слышал, что среди них есть весьма талантливые и преданные делу.

Гоблин поинтересовался, откуда такая осведомленность.

– У них всех такая прическа, недомерок.

И это произнес человек ростом ниже Гоблина!

– А о прическе ты как узнал?

– Решил, что нужно попробовать все доступные удовольствия.

Мы опешили. Одноглазый – известный скряга. Да еще и плохой игрок в тонк. Вдобавок он почти бессмертный – в Отряде уже больше ста лет.

– Чего рты разинули? – возмутился он. – Да, я только прикидываюсь бедным. Разве это преступление?

Нет. Мы все такие. Лучшая защита от нищих приятелей, которые то и дело кланчат у тебя деньги, вместо того чтобы пойти к Ростовщику.

Кто-то заметил:

– У многих ребят скопились деньжата. До прибытия сюда у нас не было возможности их потратить.

Верно. Черный Отряд неплохо подпитал экономику Алоэ. Возможно, мы не подвергаемся нападениям именно потому, что с нас еще есть что взять.

– Пойду приведу Кеглю в чувство, пока Лейтенант и мне взбучку не задал, – сказал Эльмо. – Молчун, хочешь сыграть за меня? Черт! Он ведь только что был здесь!

Я тоже не заметил, куда подевался наш третий колдун. В последнее время Молчун держался чуднее обычного. Будто призрак.

У ветеранов Отряда развито шестое чувство. Ты инстинктивно распознаешь намеки и настораживаешься, сам того не осознавая. «Чуешь опасность», как мы сами говорим. Вдобавок начинаешь догадываться, что творится в умах начальства, и моментально узнаешь о том, что тебя решили сунуть в какое-нибудь дерьмо.

Всем шестистам с хвостиком наших бойцов хватило четырнадцати напряженных секунд, чтобы понять: случилось что-то серьезное. Грядут перемены, и счет дней, в которые меня не пытались убить, вряд ли дойдет до сотни.

Когда со стороны лагеря появился Крутой, игра в карты уже прекратилась.

– Эльмо, Костоправ, Гоблин, Одноглазый. Старик вызывает.

Одноглазый проворчал:

– И кто этого чертова Гоблина за язык тянул?

Пару минут назад Гоблин пробормотал: «Чует моя задница, что-то происходит».

Я вставил:

– Ну да. Это он во всем виноват. Если нас опять пошлют усмирять мятежников, всыпем ему ремня.

– Не смешно, Костоправ. – Эльмо поднялся из-за стола. – Но я поддерживаю. Уже почти забыл, какова гарнизонная служба.

Он понес какую-то чепуху о чистой одежде, крепком пиве, регулярном питании и почти неограниченном доступе к любимым солдатским способам траты времени и денег.

Оставив карты другим, мы пошли по улице. За нашей спиной уже озвучивались догадки.

– Гарнизонная служба – она такая, – произнес я. – Для меня самым трудным в ней было убедить Одноглазого вылечить солдат от поноса с помощью чар.

– А мне нравится, – сказал Одноглазый. – Можно хорошо подзаработать.

Это он умел. Отправь его куда-нибудь на недельку, и он обязательно влезет по уши в тамошний черный рынок.

Крутой бочком приблизился ко мне и прошептал:

– Нужно поговорить наедине.

Он сунул мне в руку сложенную полоску пергамента, не больше трех с половиной дюймов в ширину. Грязную, вонючую. С одной стороны недоставало треугольного клочка, – видимо, листок на чем-то висел. Когда я развернул пергамент, на лице Крутого отразился испуг.

Я остановился. Остальные тоже, недоумевая, в чем дело.

Я прошептал:

– Где ты это взял?

Отряд стоял лагерем за городом, на вересковой пустоши, еще с тех пор, когда Шепот прибыла для переговоров о включении Алоэ в империю Госпожи. Главной из обещанных городу привилегий было его дальнейшее существование. Лагерь был непримечательным: стена из глинобитного кирпича, за ней – саманные постройки, оштукатуренные, чтобы не размыло дождями.

Издали лагерь выглядел бурым пятном. Человек с наметанным глазом мог различить оттенки, но мы, люди простые, видели только бурый цвет. Однако мое зрение было достаточно острым, чтобы заметить свежее бурое пятно прежде, чем на него указал Крутой.

Под навесом у восточной стены штаба примостился летучий ковер. Мои спутники тоже его заметили, но, в отличие от меня, не слишком взволновались.

Мы влились в людской поток. Вызваны были все офицеры и взводные сержанты. Так случилось, когда Капитану вдруг приспичивало выступить с вдохновенной речью, но на сей раз причина была иной.

Всему виной этот самый летучий ковер.

Таких существовало не больше шести, и лишь шестеро умели ими пользоваться.

Нас почтил визитом один из Взятых.

Счастливым денькам пришел конец. После долгого сна преисподняя вновь разверзлась.

Теперь уже все заметили ковер. И все разом поникли.

– Идите вперед, – сказал я. – Я догоню. Крутой, показывай.

Он направился к навесу. К коврику.

– Увидел эту бумажку здесь. Хотел рассмотреть ковер.

Он в подробностях рассказал, как все было. Мне хватило одного взгляда на ковер, чтобы подтвердились опасения: это замызганное изделие из дерьма и палок принадлежало Хромому.

– Вот здесь был листок.

«Вот здесь» означало «там, где Взятый сидел во время полета». В этом месте ковер был особенно потрепан и растянут.

Крутой указал пальцем на оторвавшийся от деревянной рамы лоскут:

– Еле заметил. Он висел на гвозде.

Маленький гвоздь выступал из рамы на три шестнадцатых дюйма. На нем остался треугольный обрывок пергамента. Я осторожно, не прикасаясь руками, подцепил клочок острием ножа.

– Я сорвал лист, но не успел взглянуть – Капитан позвал меня и послал за вами.

– Ясно. Не высовывайся. Позже поговорим. – Я должен был спешить, чтобы не оказаться последним.

– Дело дрянь?

– Похоже на то. Отправляйся в город и держи язык за зубами.

Залом заседаний у нас служила столовая. Поваров выпроводили. Воздух был заряжен недовольством. Добрая половина солдат, включая меня, жила теперь в городе. Кто-то успел обзавестись женой, а кто-то даже воспитывал приемных детей.

Эти ребята молились, чтобы посланец на ковре привез деньги. Вот только наше жалование высчитывалось из податей благодарных жителей Алоэ, которых мы защищали. Ради этого не нужно присылать Взятых.

Капитан натренированной медвежьей походкой поднялся на невысокий – до середины солдатской задницы – помост; следом, подволакивая ногу, взобрался уродливый бурый ком тряпья. В столовой повисла тишина.

Хромой. Самый мерзкий из Взятых. Заклятый враг Черного Отряда. Когда-то он взбунтовался против Госпожи, и мы хорошенько его вздули.

Этому колдуну удалось вновь заслужить ее расположение. Но и мы пользовались его услугами. Отомстить сейчас он не может, но терпения ему не занимать.

Капитан прогромыхал:

– Братья, скуке конец. Теперь мы знаем, зачем Госпожа отправила нас сюда. Нам предстоит схватить предводительницу мятежников, некую Тидэс Эльбу.

Это имя было нам незнакомо, и мне пришлось уточнить, как оно пишется. Капитан сообщил, что Тидэс Эльба одержала несколько побед к западу от Алоэ, но все они мелкие, не заслуживающие нашего внимания.

Занятная чепуха, в которой может быть доля правды.

Хромой с трудом взобрался вслед за Капитаном. Вдобавок к искалеченной ноге он был карликом – но исключительно по росту. По злобе и колдовскому таланту ему не было равных. Он источал ауру ужаса и не менее кошмарную вонь. Даже в лучшие свои дни смердел так, будто выполз из могилы.

Он таращился на нас из-под коричневой кожаной маски.

Бойцы со слабыми желудками перебрались в задние ряды.

Хромой молчал. Просто обозначал свое присутствие. Всем видом внушал, что о нем не стоит забывать. И что впереди у нас интересные деньки.

Капитан приказал взводным подготовить солдат к походу. Но сперва нужно было кое-что разнюхать здесь, в Алоэ. За это время требовалось уплатить долги и решить все личные проблемы. В идеале – отказаться от городской жизни и вернуться в лагерь.

Дезертирства было не избежать.

Эльмо пихнул меня локтем в бок:

– Не зевай!

Старик отослал всех, кроме меня и колдунов. И сказал мне:

– Костоправ, останься.

А колдунов отправил с Хромым.

Капитан отвел меня в штаб. Теоретически здесь у меня был свой уголок, для работы над Анналами. Но я бывал здесь нечасто.

– Сядь.

Приказ, а не предложение. Я сел на один из двух грубо сколоченных стульев напротив обшарпанного стола, которым Капитан отгораживался от мира.

– Хромой приперся. Прямо он не сказал, но и так понятно, что затащит нас в дерьмо. Он вообще мало что сказал. Возможно, и сам толком не в курсе. Просто следует указаниям.

Я кивнул.

– Костоправ, это нехорошо. Когда имеешь дело с Хромым, жди подвоха.

Я прекрасно это понимал, но напустил на себя вид послушного ученика, ожидающего очередной толики мудрости от почтенного учителя.

– Сказал бы я тебе, какой ты говнюк, но особые напоминания тут не нужны. Сам все понимаешь.

– Я чем-то перед ним провинился?

– Ты весьма успешно прикидываешься таким же бестолковым, как все остальные наши дурни. Но вместо того, чтобы ходить по шляхам и надираться, ты изучаешь местную историю.

– У человека должно быть не одно увлечение.

– Увлечение – это то, что не вызывает зависимости.

– Такой уж я плохой. Меня манит прошлое. Оно помогает пролить свет на настоящее.

Капитан кивнул и сцепил пальцы под мощным квадратным с ямочкой подбородком.

– Нужно, чтобы ты кое на что пролил свет. – Он тоже понимал, что дело нечисто. – Возможно, у тебя получится сделать так, чтобы Отряд не оказался снова в глубокой заднице.

– Ты мне льстишь.

– Заткнись. Госпожа хочет, чтобы Тидэс Эльба была схвачена прежде, чем превратится в восточную Белую Розу. А может, она и есть эта самая Роза. Черт знает. Хромой в лепешку готов расшибиться, только бы выслужиться перед Госпожой. А заодно и нас всех угробить.

– Командир, я не понимаю.

– Не прикидывайся. У Хромого на тебя зуб.

Это верно.

– Ладно. Что с того?

– Хроному нравится все крушить. А мне не хочется, чтобы меня запомнили как человека, по чьей-то глупой прихоти разнесшего весь Алоэ.

– Так хотя бы намекни, чего тебе от меня надо? Я не такой умный, каким выгляжу.

– Я тоже. – Капитан выбрался из-за стола. Прошелся взад-вперед. Затем произнес: – Госпожа считает, что Тидэс Эльба из местных. Ее семья живет здесь, и мятежница регулярно навещает родственников. Тидэс Эльба – не настоящее имя. Папе с мамой небось невдомек, чем промышляет их дочь.

Тидэс Эльба – это, конечно же, не истинное имя. Зная истинное имя бунтарки, Госпожа давно бы стерла ее в порошок.

– Ты и так всюду суешь нос. Легко поймешь, где искать. Найди ее прежде, чем Хромой возьмет нас за яйца.

– Ладно, поищу. Но заранее могу сказать, что найду только простывший след.

– Даже простывший след может кое-что рассказать.

Это верно.

– А не лучше ли вместо того, чтобы переживать из-за этой женщины, придумать, как навсегда...

Капитан махнул рукой – как отрезал. Мне пришлось заткнуться.

– Посмотрите на этого умника! Да тебе впору командовать всей восточной кампанией. Иди, делай что велено. И завязывай с этими дурацкими картами.

Я призадумался и пришел к пугающему выводу. Хромой, если захочет, подслушает нас где угодно. Я отыскал другую колоду карт, даже древнее той, которой мы обычно играли, и направился в «Темную лошадку». По пути меня перехватил Крутой:

– Что, уже пора?

– Если все на месте, то пора.

«Все» означало горстку избранных, вроде Эльмо и колдунов.

– О чем говорили на собрании? Выступаем в поход?

– Пока непонятно. Начальство хочет, чтобы мы были наготове.

– Как обычно.

– Вот именно.

Снаружи нас поджидала привычная компания. Не было только Молчуна. Они не играли. Я бросил вопросительный взгляд на Гоблина, но тот лишь пожал плечами.

Подошли еще ребята, решившие, что сейчас начнется игра. Я отдал колоду Причиндалу:

– Поиграйте внутри.

– Соображаешь, – похвалил Эльмо, когда Причиндал с компанией скрылся в трактире.

Он подвинулся, чтобы Крутой мог пристроить свой стул, и мы сделали вид, будто играем в пятером.

– Никто не жалеет, что пришел? – спросил я. – Сейчас мы выложим на этот стол свои яйца и будем надеяться, что никто не прибежит с молотком.

Все остались на месте.

Я достал добытый Крутым листок. В сложенном виде он был квадратным, в разложенном – прямоугольным. Я расправил его на столе:

– Передавайте друг другу, как будто это пустяковая бумажка.

– Не учи бабушку яичницу жарить, – проворчал Одноглазый. – Ничего не разобрать. Курица лапой писала?

– Это теллекурре, язык Владычества. – В живых осталось лишь двое его носителей. – Имперский приказ Хрому от Госпожи. Об этом говорит идеограмма в левом верхнем углу. А другая идеограмма, посередине, говорит о том, что это копия. Точнее, копия копии – в правом углу есть и идеограмма переписчика.

– Какая дотошность, – заметил Эльмо.

– Верно. После сражения при Чарах Госпожа не упускает ни единой мелочи.

– Гм... Так что здесь говорится?

– Прямым текстом – ничего особенного. Все весьма официально. Госпожа посылает Хромого на восток с задачей найти и задержать женщину по имени Тидэс Эльба. Зачем, каким образом – не написано. Только одна оговорка: взять ее нужно живой и невредимой.

– И ни слова о том, что эта женщина – новый лидер восстания?

– Ни намека.

– Значит, Хромой солгал.

– Солгал. И не только нам. Он не заинтересован в успешном выполнении этой миссии.

– Откуда ты знаешь? – спросил Эльмо.

– Хрому пришлось подписать обе копии, чтобы подтвердить, что он понял задачу. Но на своем экземпляре он добавил: «Иди в задницу, сука».

– Ого! – не столько удивился, сколько восхитился Крутой.

– А если это ложная улика? – спросил Эльмо.

– Хочешь сказать, он специально подбросил нам листок?

– Ага. Чтобы нас подставить.

– Я тоже об этом думал. Сомнительно. Такой план способен провалиться по тысяче причин. Оставляя листок, Хромой не мог знать, где тот окажется. А вдруг мы не заметили бы его? Но более важно то, что добавлено к подписи.

Все задумались. Одноглазый дважды открывал рот, но так ничего и не сказал.

Мы размышляли о том, что мог задумать Хромой. Просчитывали его вероятные тактические ходы, искали дальний умысел. Но ключевую подсказку дал низший из нас по рангу, простой рядовой.

Крутой предположил:

– Если он всерьез такое написал, то наверняка запаникует, обнаружив пропажу.

Мы вытаращили глаза. У каждого участился пульс.

Эльмо прокряхтел:

– Точно! Если чертов карлик взбесится, значит приписка настоящая.

– Забрёзжил луч надежды, – улыбнулся взмокший от волнения Гоблин.

Я придвинул бумагу к Одноглазому:

– Проверь, может ли он определить местонахождение этой штуки. И может ли узнать, в чьих руках она побывала.

– Собираешься вернуть?

– Совсем сдурел?! Закопаю где-нибудь. Вдруг потом пригодится? Госпожа не обрадуется, если увидит. Гоблин, сотри Крутому все воспоминания об этой бумажке. Капитан видел, как он вертелся возле ковра. Не нужно нам лишних вопросов.

– Тогда и тебе не мешает память подчистить. Ты ведь тоже там был.

Я подозревал, что желающих поглазеть на ковер было множество, и по телу пробежала нервная дрожь, да такая, что пальцы на ногах свело.

– Ага. Давай.

Оба колдуна поднялись. Гоблин сказал:

– Запрячу воспоминания так, что только Око Госпожи сможет их отыскать.

Тут меня осенило:

– погоди. Крутой, сбегай-ка за Зорабом.

До того как стать трактирщиком, Маркег Зораб занимался совсем другим делом. По одному его лицу можно было пересчитать жестокие схватки, в которых он побывал. Из-за внушительных размеров его нередко принимали за вышибалу, чья храбрость со временем поистратилась.

– Звал? – спросил он.

– Мне нужно кое-что обстряпать, но так, чтобы меня не раскрыли. Хорошо заплачу.

– Это опасно?

– Возможно. Но риска будет меньше, если сделаешь все, как я скажу.

– Весь внимание.

Я показал ему листок:

– Мне нужна точная копия этой бумаги, сделанная профессиональным писцом, который с тобой незнаком.

– Что это?

– Объявление о розыске. Чем меньше знаешь, тем лучше для тебя. Возьмешься?

Прежде чем Зораб согласился, пришлось обсудить плату. Я предложил не слишком много, чтобы трактирщик не решил, что я встревожен. Братья Отряда частенько подшучивают друг над другом, вот и пусть Зораб думает, будто мы готовим очередной розыгрыш.

– Насколько это срочно? – спросил он.

– Чем быстрее, тем лучше. Желательно прямо сейчас.

Зораб принес мне копию и оригинал:

– Годится? Подходящей бумаги у писаря не нашлось.

– Годится. Я и хотел, чтобы было заметно, что это копия. – Я заплатил трактирщику и вернул ему копию. – Подержи у себя. Гоблин скажет, когда отдать. Тогда же получишь вторую половину денег.

– Осталось только заманить сюда этого самовлюбленного говнюка, – проворчал Эльмо, намекая, что речь действительно идет о розыгрыше.

Удивленный Зораб сложил бумагу и отправился проверять монеты на зуб.

– Думаешь, он сделал еще копии? – спросил Эльмо.

– Надеюсь, что сделал, – ответил я. – Чем больше, тем лучше. А теперь пора обо всем забыть.

– Не знаю. Забыл. Наверняка ничего важного, – сказал я. – Послушайте, мне нужна ваша помощь, чтобы раздобыть информацию о Тидэс Эльбе.

Скрип-скрип. Стулья неохотно придвинулись.

– Так надо, – сказал я.

– Ага. Ага.

– Крутой, ты читаешь по-местному? – спросил я.

Он помотал головой. Когда мы отошли, Эльмо сказал:

– Сомневаюсь, что он вообще читать умеет.

Я крякнул:

– Еще пива.

По «Темной лошадке» носились догадки о том, что же затевается. Многие вообще не верили, что Тидэс Эльба существует. Ветераны, прошедшие от Весла до Чар, считали, что Хромой все выдумал.

Когда спросили меня, я ответил, что никогда не слышал о Тидэс Эльбе и могу лишь принять на веру слова Хромого.

Алоэ был городом-государством, республикой – обычное дело в этих краях. Он процветал; средств хватало даже на проведение переписи населения, результаты которой учитывались при повышении податей, призыве в армию и трудовой повинности.

Архивные документы хранились в специально отведенном каменном здании. Наше прибытие повергло архивариусов в панику.

Внезапность не помогла. Мы не нашли ничего. Великое множество ведомостей и метрик хранилось бессистемно, и я понял, что работы нам хватит на много дней.

– Позову кого-нибудь грамотного, – сказал Эльмо.

Сам он едва справлялся, читая вслух по слогам.

Появился Молчун. Прежде чем я впряг его в работу, он изобразил на пальцах: «Подожди!» – и оглянулся, убеждаясь, что любопытные господа в коричневом не прячутся где-нибудь за притолокой. Затем он сказал: «Я знаю, где ее искать».

Забыв об осторожности, все засыпали Молчуна вопросами. Тот пригрозил:

– *Тихо! А то в лоб дам! Идиоты.*

Он сказал, что наша цель – та самая рыжеволосая красотка, встреченная несколько дней назад.

– *Как ты узнал?* – спросил я.

Молчун постучал себя пальцем по голове, указал на глаза и нос. Это означало, что он всего лишь пораскинул мозгами, учуяв кое-что любопытное.

Он сразу заподозрил, что девушка не проста, и проследил за ней до храма Оккупоя. И с тех пор не сводил с нее глаз.

– Неудивительно, – сказал я. Мятежники обожают прятаться в культовых заведениях. – Давайте все там обшарим и приведем ее в Башню.

Гнева Оккупоа я не боялся. Боги редко себя защищают.

Эльмо согласился:

– Заодно с нашим ненавистным Взатым.

Наш с Эльмо голос разума потонул в гуле других голосов. Это я в переносном смысле. Гоблин аж подпрыгивал от нетерпения. Каждый пятый его жест был сделан средним пальцем.

Одноглазый громко предложил:

– Повторим Розы.

– Зачем?

– Насолить Хромому. Может, как-нибудь его подставить.

– Не проще ли отдать ему девчонку и отправить восвояси?

Ребята заметно поутихли, вспомнив обстоятельства той зимней операции в Розах, событие, с которого началась вражда Хромого с Отрядом.

Молчун сказал:

– *Костоправ дело говорит. Трусливо, зато надежно.*

Одноглазый не был бы Одноглазым, если бы не почуял наживу. Вот только Одноглазым он был уже сотню с лишним лет.

Поэтому его азарт быстро угас.

Я не согласился посвятить в дурацкий план Капитана и Хромого. План мог бы сработать только в том случае, если бы почти бессмертный, почти полубог Хромой оказался слишком тупым, чтобы почуять подвох. Я произнес:

– Чтобы начать колдовство, нам понадобится какой-то предмет, принадлежащий нашей цели. У вас есть ее волосы? Кусочки ногтей? Грязное исподнее? Непохоже, что есть. Пойдем выкурим ее и сдадим кому следует.

Как уже упоминалось, я был достаточно изворотлив, чтобы не идти с планом к Капитану. Эта почетная миссия выпала Молчуну.

Молчун – тот еще пройдоха, но договориться ему не удалось. Капитан ответил:

– Разыщите девчонку и схватите. Больше от вас ничего не требуется.

Когда Молчун вернулся, меня никто не хотел слушать. Одноглазый настаивал:

– Костоправ, не переживай. Ты переоцениваешь мелкого засранца. Мозгов у него не так уж много. Он просто ублюдок с большим талантом к чародейству. Магия есть – ума не надо.

– Да уж, за примерами далеко ходить не требуется.

– Только подумай, через что ему довелось пройти с тех пор, как он выбрался из-под развалин, – сказал Гоблин. – От такого не поумнеешь, разве что научишься оставлять поменьше свидетелей.

Почему-то от этих слов мне стало не по себе.

– Да он нас как тараканов передавит.

Одноглазый не отступал:

– Он тупица. Вроде тебя. И ничего, живет! Его можно раз пять поймать на одну и ту же удочку, пока он не поймет, в чем дело.

Болван.

Хромой, может, и туп как пробка, но и противостоять ему отнюдь не великие умы. Вдобавок у него-то точно есть план.

Я убедил братьев, что нам нужно и дальше изучать архивы, и велел каждому обращать особое внимание на записи о смерти маленьких девочек.

Я умело скрыл недовольство, когда Капитан с Хромым вызвали меня среди ночи. Старик сказал:

– Слышали, ты что-то разнюхал.

– Так точно. Но по-моему, это ложный след, – честно ответил я.

– Молодец. Продолжай поиски. Придется обойтись без Гоблина и Одноглазого – у них новое задание. – Капитан покосился на Взятых так, будто готов был скормить его львам.

– От них все равно толку нет. Если не ругаются, то отвлекаются.

– Скажи-ка... – начал Старик.

Я упал духом:

– Капитан?

– Видели, как ты копался в летучем ковре. Зачем? Что задумал?

– Копался? Никак нет. Мы обсуждали ковер с Крутым. Он никогда не видел ковров так близко, вот и обрадовался как ребенок. Мне доводилось пару раз на них летать, и Крутой хотел знать, каково это. Мы просто болтали и ничего не трогали. – Я говорил сбивчиво, но Хромой привык, что в его присутствии люди трусят. – А в чем дело? Это важно?

Старик посмотрел на Взятых, ожидая вопросов или комментариев, но уродец просто буравил меня взглядом.

– Похоже, что нет. Свободен.

Я живо смылся, поджав хвост. И как только Капитан сохраняет самообладание рядом с этим чудовищем?

Добравшись до «Темной лошадки», я встретил там бесполезную парочку и Молчуна. Проходя мимо него, задвигал пальцами:

– Ребята, дело дрянь. Капитан что-то заподозрил. Если до Хромого дойдет...

Одноглазый выругался, обозвал меня кем-то вроде проклятого пессимиста, но на этом остановился. Он ведь был слеп только на один глаз.

Гоблин благоразумно промолчал. Оба наконец осознали масштабы авантюры, в которую ввязались. Всех обуял вполне обоснованный страх.

Несмотря на все это, за девчонкой мы не отправились. Гоблина с Одноглазым забрал Хромой. Молчун избежал такой участи, умело спрятавшись. Я решил, что он следит за нашей целью.

Ни Эльмо, ни Леденец, ни сам Лейтенант не отправили бы нас на задание без поддержки колдунов.

На брошенный Эльмо клич о поиске владеющих местной грамотой солдат откликнулись трое с половиной. Половиной был ученик Гоблина и Одноглазого, тот еще разгильдяй, называвший себя Третьим. Его деду, отцу и ему самому досталось одно и то же имя, потому и «Третий». Я недоумевал, как он ухитрялся выживать в постоянных распрях между наставниками.

Третий пришел в мою городскую комнату. В отличие от Одноглазого с Гоблином, внешне он мало напоминал колдуна и был крупнее своих учителей, вместе взятых.

После его слов мне действительно захотелось слепить из них что-нибудь одно, более толковое.

– Они собираются напасть на храм Оккупоя этой ночью, – сообщил Третий. – Одноглазому нужна помощь.

Значит, страх пустил недостаточно глубокие корни. Официальная операция назначена на утро.

– Одноглазому не мешало бы голову проверить. Желательно у такого специалиста, который пропишет ему обезглавливание.

Тем не менее я собрался и вооружился.

Третий был немного похож на Капитана, только уродливее. Болтал он тоже не меньше Старика.

– Где Одноглазый с Гоблином шатались последние дни? – спросил я.

– Выполняли приказы Хромого. Учились новым уловкам для охоты на Тидэс Эльбу. Меня это не воодушевило.

Мы встретились с коротышками и парой солдат, умевших читать по-местному. Их звали Корнелло Крат и Ладора Анс. Я разворчался:

– А где Молчун? А Эльмо?

– Везде искали, не нашли, – буркнул Одноглазый в ответ и надвинул на глаза растрепанную шляпу. – Помалкивай и следуй за нами.

– Еще чего.

– Что?

– Никуда я не пойду. Ты решил сыграть в тонк со Взятым, надеясь оставить его без штанов, но ты непроходимо туп и не понимаешь, что на кону Отряд. Все шестьсот сорок человек.

Гоблин приуныл. Одноглазому же только и нужен был повод, чтобы взбелениться. Он принялся высказывать все, что обо мне думал.

– Последний раз говорю, кретин! – прикрикнул я. – Хочешь, чтобы я помог тебе обыграть Хромого? С твоей-то удачей? Да ты еще тупее, чем кажешься. Сделаем все по плану. Завтра. Хромой только и ждет, что ты оступишься, но не дождетя.

Одноглазый молчал, лишь таращил на меня единственный глаз. Я прежде никогда так не ругался.

Даже после этой выволочки он бы не унялся, но вмешался Гоблин. Его трясло, как промокшего в ливень пса.

– Я с Костоправом. Если подумать, он прав. Нужно отбросить жадность и корысть и хорошенько взвесить все за и против.

Одноглазый разразился тирадой на тему «такой шанс выпадает раз в жизни».

Гоблина снова передернуло. Поборов секундную растерянность, он набросился на Одноглазого:

– Как ты постоянно умудряешься влезать по уши в дерьмо? Как тебе удается выбираться из него целым и невредимым?

Победа! Мне удалось склонить Гоблина на свою сторону. Крат и Анс согласились с ним. А Третий выразил свое мнение не словом, а делом – смылся, как только привел меня на место.

У меня началась ужасная изжога. Руки не сильно, но упрямо дрожали. У Крата и Анса – тоже.

Одноглазый понял, что с ним никто не пойдет. Он был изумлен до крайности.

Под уродливой черной шляпой скрывался изворотливый умишко. Когда не находилось других, достаточно жадных или глупых, чтобы позволить ему решать за них, Одноглазый шел на попятную.

– Сволочь ты, Костоправ. Ладно, твоя взяла. Надеюсь, тебе хватит смелости записать в Анналах, что при возможности сорвать самый большой куш в жизни ты от страха наделал в штаны.

– Запишу, не сомневайся. А еще запишу, что Отряду удалось выжить, несмотря на все твои потуги. – Я добавил, что срывать куш для Одноглазого не входит в наше задание.

Ситуация накалялась. Но тут появились Эльмо с Молчуном и увели нашего чернокожего братца от греха подальше, защищая в первую очередь от самого себя.

Я посоветовался с Эльмо. Эльмо посоветовался с Леденцом. Леденец – с Лейтенантом. Когда даже боги не могли подсмотреть, Лейтенант, должно быть, посоветовался с Капитаном.

Слух разлетелся быстро. Нам было приказано взять девчонку, пусть та и не была, конечно же, настоящей Тидэс Эльбой.

Главным назначили Эльмо. Гоблину с Молчуном поручили колдовать. Одноглазому с Третьим выпала чрезвычайно важная миссия – пересчитать коз в Утбанке. Приказ самой Госпожи!

Капитан способен на многое закрыть глаза. Хороший командир знает, на что не нужно обращать внимание. Но эта слепота небеспрдельна.

Я бы не был собой, если бы не отыскал в плане слабое место:

– Мы разобрались с алчностью Одноглазого, но по-прежнему находимся между молотом и наковальней.

– Пускай потешится, – ответил Гоблин. – Так быстрее. Да и нам не придется слушать его жалобы, пока не зароем его в землю и не придавим сверху камнем. Говори, о мудрейший.

Он продолжил сборы. Остальные тоже. Они будут слушать меня, но не слышать.

– Старик понимает, что эта девчонка – не Тидэс Эльба. Как поведут себя местные, когда мы влоимся в святилище и схватим послушницу, которая виновата лишь тем, что приглянулась Молчуну?

– Костоправ, таков приказ, – возразил Эльмо. – И мы его выполним, а что дальше – не наша забота. Пускай разбираются те, кому за это платят. Ты не в их числе. Твоя работа – стоять сзади и затыкать дырки в головах болванов, что забыли пригнуться.

Он был прав.

– Не знаю, что на меня нашло.

По правде говоря, я действительно не знал.

Марширующий взвод распугал местных жителей, но особо любопытные последовали за нами, держась на почтительном расстоянии.

Я шагал рядом с Гоблином.

– Чем вы с Одноглазым занимались те два дня у Хромого?

Широкий бледный лоб Гоблина избороздили морщины.

– У Хромого? Мы не были у Хромого.

– Что?! Но Старик сказал, что вы идете с ним на задание. Уродец сам при этом присутствовал. Вас не было два дня, а потом вы вернулись с намерением выполнить план, который мы уже сочли самоубийственным.

– Два дня? Уверен?

– Точно. Спроси у Эльмо.

Колдун задумался. Спустя полсотни шагов он произнес:

– А что говорит Капитан?

– Ничего. Пока у Старика на шее сидит самый гнусный из Взятых, из него клещами слов не вытянешь.

Сотня шагов в тишине. Огромный уродливый купол храма Оккупое господствовал над окрестными зданиями. Высотой более восьмидесяти футов, храм напоминал гигантский улей; сплошь сделанный из бетона, он претендовал на звание мелкого чуда света. У инженеров-энтузиастов он, должно быть, вызывал благоговейный трепет. За время постройки его строители успели состариться.

Большинству жителей Алоэ на все это было начхать.

Гоблин продолжал молчать, но выглядел при этом вполне удовлетворенным недавними малоприятными открытиями.

Ко входу в храм вела двухъярусная лестница: нижний марш – из семи ступеней, верхний – из шести. Числа наверняка что-то символизировали. Подступёнки были из гранита – серые с вкраплениями белого. Колонны и стены – из зеленовато-серого известняка, простого в обработке, но нестойкого против выветривания. Западный фасад храма покрывали строительные леса.

День был не праздничный; для сбора пожертвований с прихожан – слишком рано. В храме царила тишина.

Поднимаясь по тринадцати ступеням, я размышлял над загадкой Тидэс Эльбы. Я опросил всех известных мне жителей Алоэ. Каждый утверждал, что имя ему незнакомо, и не было причин не верить. Трудно найти столько умелых лжецов, способных так искренне выражать удивление.

С другой стороны, невозможно было не отметить ту удивительную уверенность, с которой все они отрицали существование вождя мятежников по имени Тидэс Эльба.

Мы остановились у входа. Молчун с Гоблином наколдовали призрачных разведчиков и отправили их вперед на случай засады или западни.

Предосторожности оказались излишни. Вся храмовая стража состояла из единственного престарелого сторожа, спавшего на стуле у входа. Главной его обязанностью было отгонять воришек от кружки для пожертвований.

Гоблин сделал так, чтобы старик уснул еще крепче.

Первая группа вошла внутрь и рассредоточилась. Остальные окружили храм. Внутри было спокойно. Главный зал для богослужений имел круглую форму. Посередине на небольшом возвышении стоял алтарь из черного камня, чистый, без следов крови. У Оккупоя были весьма прогрессивные взгляды в отношении девственниц. На подставках вокруг алтаря выстроились плотными рядами votivные свечи, но лишь несколько из них горели.

В целом место выглядело немного запущенным.

Я так сильно сжимал зубы, что заныла челюсть. Да разве это может быть убежищем мятежников? Кажется, нас надули. Вспомнился злобный смех Хромого – так он веселится, когда дела идут по его плану.

Очень хотелось развернуться и уйти, но я остановился.

– Гоблин, Молчун, куда теперь? – Голос звучал неуверенно, ведь Эльмо ожидал куда более серьезной охраны, чем одинокий сторож.

Я нервно улыбнулся, подумав, что Одноглазый, не будь он на важном задании в Утбанке, не упустил бы возможности сунуть лапу в храмовую кружку.

– Прямо. Если бы наши ребята постоянно не шептались и не бряцали оружием, ты бы услышал идущий там разговор.

Я вновь забеспокоился об Одноглазом и Гоблине. Что с ними сделали? Вдруг Хромой промыл им мозги? Правда, в случае с Одноглазым это может быть к лучшему.

Что, если эта вылазка – часть плана Хромого по опорочиванию Отряда?

Эльмо подтолкнул меня:

– Шевелись. Да что с тобой? Все в облаках витаешь?

Впереди раздались удивленные возгласы.

Никто не кричал «Спасайся кто может!». Скорее «Какого черта?!». Вопли неслись из кухни-трапезной, где сидели за поздним завтраком шестнадцать женщин разного возраста. Старшие засыпали Эльмо вопросами. Тот не отреагировал.

– Молчун? Кто из них?

Молчун показал.

Девушка с улицы делила стол с пятью другими, которые вполне могли быть ее сестрами. Но как ни старались в храме сделать всех служительниц похожими друг на друга, наша цель выделялась. Было в ней нечто особенно притягательное.

Может, наша нанимательница заглянула в будущее и увидела, кем эта девушка станет?

– Молчун, вяжи ее, – скомандовал Эльмо. – Туко, Пена, помогите ему. Гоблин, прикрой. Оружие не доставать, – распорядился он на неизвестном в Алоэ языке.

Никто не сопротивлялся. Старшие женщины перестали ругаться, лишь вопрошали, почему мы так поступаем.

Молчун связал девушке руки за спиной. Он был в перчатках, чтобы не касаться ее кожи. Дрожа от страха, она спросила, куда ее уведут. Мне стало не по себе. Захотелось ей помочь. Я мог представить, каких ужасов она ожидает, наверняка проклиная тот день, когда попалась нам на глаза у «Темной лошадки».

– Ого! – едва слышно произнес Эльмо.

– Вот именно, – согласился Гоблин. – Мощно! Похоже, это дар не из простых.

Отряд вышел тем же путем, что и вошел. Мы с Гоблином прикрывали тыл. Эльмо мимоходом поймал мальчишку, добравшегося до храмовой кружки, и задал ему хорошую трепку.

Мне пришлось вправлять лишившемуся чувств воришке сломанную руку. Эльмо не любил проливать кровь.

Гоблин держался поближе ко мне. Эльмо собрал взвод. Молчун терпеливо сносил оскорбления от перепуганной девушки. Мы направились к лагерю. Со всех сторон на нас пялились испуганные горожане. Некоторые поплелись за нами.

Гоблин высматривал в толпе признаки агрессии, а потому не услышал того, что донеслось до моих ушей из храма. Если, конечно, возбужденное воображение не сыграло со мной злую шутку.

Что-то шаркнуло, затем топнуло и снова шаркнуло. Как будто человек волочил ногу по каменному полу.

– Счего ты взял, что мне почудилось? – возмутился я.

Мы с Гоблином подходили к «Темной лошадке». В лагере нас не ждали. Эльмо один разберется. А когда выяснится, что девушка из храма – не Тидэс Эльба, на него взвалят дальнейшие поиски.

– С того, что мне хорошо видно южное небо. – Гоблин указал рукой.

Вдалеке, футах в пятидесяти над городскими крышами, неспешно летел ковер. На нем сидели двое. Один – в узнаваемой черной шляпе с вислыми полями.

Значит, Хромой слетал в Утбанк, чтобы присмотреть за Одноглазым, а потом привез их с Третьим обратно. Не поверил, что Старик отослал Одноглазого лишь из-за его алчности.

– Вижу. Должно быть, моя нечистая совесть шутки шутит. Пойдем поднимем по кружке прекрасного эля господина Зораба в честь успешной операции.

– Как по мне, так рановато для эля, – ответил Гоблин. – Но за компанию отпраздную.

Мы вошли. Внутри «Темной лошадки» было так же безлюдно, как снаружи. Никто не пил и не рубился в тонк.

Даже за барной стойкой никто не стоял.

– Ни души, – заметил Гоблин. – Давай вернемся, когда...

Тут, словно из ниоткуда, возник Маркег Зораб.

– Приветствую, волшебник. Нам бы пивка. Непростая работенка выдалась, – сказал ему Гоблин.

Зораб достал кружки, не сводя с нас глаз.

– Поймали, кого искали? – нервно спросил он.

– Поймали. А тебе-то какое дело?

Зораб вскинул палец: «Подождите». Достав «секретный» денежный ящик, о местонахождении которого на самом деле не знал только слепой, он украдкой огляделся, открыл его и достал потрепанную карточную колоду.

– Это мои карты. – Те, что я отдал Причиндалу с приятелями. – Откуда они у тебя?

– Гоблин попросил хранить, пока вы не арестуете того, за кем вас послал Взятый.

Мы с Гоблином в недоумении уставились друг на друга.

– Ох, да дело-то вовсе не в картах.

Зораб дрожащими руками высыпал колоду на стол, опасливо поглядывая в сторону двери, словно ожидал вторжения ангела смерти.

– Ты ведь нас не выдал? – спросил Гоблин.

– А? Что? Нет! Никоим образом!

– Тогда почему здесь пусто? Из-за чего волнуешься?

– Все в лагере, потому и пусто, – сказал я. – А вот и ты. – Я нашел среди карт клочок пергамента.

Развернул.

Вгляделся.

Вздрогнул. Запрятанные вглубь воспоминания вырвались на поверхность.

– Гоблин, посмотри.

Колдун тоже содрогнулся.

– Я все правильно сделал? – пролепетал Зораб.

Я протянул ему серебряную монету:

– Правильней не бывает. – Я нашел и второй экземпляр. – Вот только... ты наверняка попросил переписчика снять еще одну копию. Она нам тоже нужна.

Зораб собрался отнекиваться, но одного взгляда на Гоблина хватило, чтобы промямлить:

– Придется подождать.

Я выложил на стойку еще одну монету и кривой черный нож. Ничего особенного в ноже не было, но вид у него был устрашающий.

Зораб сглотнул, кивнул и убежал.

– Быстро он сдался, – заметил Гоблин.

– У него наверняка больше одной копии.

– Хочешь забрать все?

– Пускай разойдутся по рукам. Может, и до Башни одна доберется.

– Тогда твоей ненаглядной снова придется переобучать нашего вонючего друга.

Меня передернуло. Мне и самому доводилось представлять перед Оком. Госпожа вывернула бы меня наизнанку, если бы захотела. Таков был ее способ знакомства. Хромому же пришлось вынести нечто в сотни раз худшее, хоть и не смертельное. Он слишком полезен – особенно когда подчиняется Госпоже.

Вернулся Зораб. Протянул мне сложенный пергамент. Я убрал нож:

– Нам пора. Готовься к наплыву посетителей.

На полпути к лагерю мы встретили Крутого.

– Вот вы где! Капитан послал за вами. Хочет, чтобы Гоблин доложил Госпоже, мол, девчонка у нас, в целостности и сохранности, – прежде чем ее заграбастает Хромой.

– Черт! – Гоблин оглянулся, задумавшись о побеге.

Он давненько не выходил на прямую связь с Башней и не слишком-то хотел повторять эту малоприятную процедуру.

– Это важно, – сказал я. – Иначе Капитан не заставлял бы тебя.

– Он хочет оповестить Госпожу. Не доверяет Хромому, – добавил Крутой.

– А кто ему доверяет? – сказал я. – Девчонка в самом деле Тидэс Эльба?

– Она этого не отрицает. Но утверждает, что не принадлежит ни к мятежникам, ни к воскресителям. Владеет какой-то девичьей магией, не более того.

– Костоправ, тебе никогда не казалось, что все знают больше, чем ты? – спросил Гоблин.

– Постоянно, с того самого дня, как я записался в эту убогую шайку. Крутой, возьми вот это и при первой возможности верни туда, где нашел.

Крутой взял пергамент:

– Это не тот, что я тебе давал.

Капитан встретил нас за столом. На одном из грубых стульев сидела Тидэс Эльба, руки и ноги – в легких оковах. Момент, когда она не могла поверить в происходящее, давно миновал. Еще ей надели ошейник, предназначенный для пленных чародеев. При попытке колдовать он причиняет нестерпимую боль.

Должно быть, Госпожа что-то разглядела в далеком будущем. Если эта девушка и пользовалась магией, то очень слабой; чему-то посерьезнее она научиться не успела.

Капитан скривился:

– Пили?

– По кружечке за успех, – ответил Гоблин.

– Рано праздновать. Свяжись с Госпожой. Расскажи ей все, прежде чем Хромой прознает, что девчонка у нас.

– Добро пожаловать на нашу грибную ферму, – сказал мне Гоблин.

– Костоправ, можешь идти, – буркнул Капитан.

– Еще чего. А что я в Анналы запишу?

Тот пожал плечами.

– Гоблин, пошевеливайся. Время уходит.

Гоблин помнил, как вступать в контакт с Башней, и сделал это мгновенно. Но опыт не избавил от боли. Колдун вскрикнул, упал и забился в судорогах. Встревоженный Капитан выскочил из-за стола, припал на колено, повернувшись спиной к девушке:

– Что с ним?

– Следите, чтобы язык не проглотил, – сказал я, а сам воспользовался моментом, чтобы сунуть свернутый в трубочку листок пергамента меж пригожих девичьих грудей, а заодно и оценить их упругость.

Девушка посмотрела мне в глаза, но ничего не сказала.

– Наверное, пробиться не может, – предположил я.

Госпожа ответила аккуратно в тот момент, когда в штаб вломился Хромой, едва не сорвав с петель дверь.

Над Гоблином, чуть не опалив волосы Капитану, возникло пламенное кольцо в два фута диаметром. Из него выглянуло прекрасное лицо Госпожи. Наши взоры встретились. Она улыбнулась, и у меня подкосились ноги.

Припадок Гоблина прекратился. Хромой сразу притих.

Со всех сторон раздался шепот:

– Это она?

– Мы уверены, – ответил Капитан. – Приметы совпадают полностью.

Госпожа подмигнула мне. Мы с ней старые боевые товарищи. Однажды вместе разыскали и убили ее сестру.

Шепот:

– Правда она восхитительна?

Я кивнул. Гоблин с Капитаном тоже. Даже Хромой, все дальше распространявший свое зловоние, согласно опустил закрытое маской лицо. Тидэс Эльба была поистине восхитительна, особенно сейчас, когда, сама того не ведая, пользовалась природными, неподвластными ошейнику чарами.

– Как моя сестра. Двоюродная бабка этой девицы. Они похожи как две капли воды.

Значит, другая сестра. На ту, которую мы убили, Тидэс Эльба похожа лишь отчасти. Я открыл рот, чтобы задать вопрос, но этого не понадобилось. Наша нанимательница была сегодня весьма разговорчива.

– Мой муж был ее предком. Трахал все, что шевелится, включая всех моих сестер и почти всех женщин-Взятых. Но хватит об этом. Ей предстояло переспать с другим его потомком. А в их ребенка старый мерзавец собирался вселиться.

Хромой наверняка взял все это на заметку. Мы же стояли разинув рот. Все, кроме девушки. Госпожа говорила на неизвестном ей языке, и девушка не понимала ни слова.

Зато не сводила глаз с висящего в воздухе огненного кольца.

Она отрешилась от всего. Знала, куда ей предстоит отправиться.

Что-то промелькнуло между Госпожой и Хромым. Вонючий колдун поклонился. Подошел к девушке, взял за руку, поставил на ноги и толкнул к сломанной двери.

Мы лишь наблюдали, всем сердцем желая вмешаться, но понимая: если Госпожа говорит правду, Тидэс Эльба в самом деле угроза всему миру. Через нее может вернуться жуткая тварь, именуемая Властелином. Вне всякого сомнения, любой воскреситель был бы рад заполучить ее, чтобы поднять древнее зло из могилы. Эта девушка – помазанник Тьмы, о котором говорят пророчества.

Я оглянулся. Госпожи и след простыл. Финал вышел скомканным; мы сыграли в нем лишь второстепенные роли и стали свидетелями крошечного фрагмента большой истории. Но главным для Отряда было то, что мы выжили.

Мы вышли и проводили взглядом Хромого.

Он засунул девушку в мешок. Зашил его и накрепко привязал к коври. Тидэс Эльба не сможет избежать уготованной ей участи, просто скатившись с ковра в пути. Взлет прошел коряво. Хромой казался взволнованным и недовольным. Ковер неровно полетел на запад.

У места стоянки ковра я встретил Крутого. Тот улыбнулся и показал большой палец:

– Он сразу заметил. Схватил бумажку, взглянул и аж подпрыгнул, будто его обухом огрели.

– Значит, понял намек.

Гоблин смотрел на запад. Выглядел колдун по-прежнему напуганным.

– Жаль терять такую красотку. Пойдем отыщем Эльмо и Одноглазого да закутим в «Темной лошадке». У Эльмо ведь есть карты?

4. Однажды: Дóма у некроманта

Карета остановилась у проема в невысоком частоколе. Каждый кол был усажен шипами из каленой стали, острия смазаны ядом. В десятке футов от проема, невидимый во тьме, смердел труп какого-то животного. Возница, впрочем, ничего не унюхал. Он принялся напевать сложную мелодию, сопровождая это дело причудливыми телодвижениями и взмахами дивного, похожего на растрепанную метелку из перьев предмета. Закончив, выждал пятнадцать секунд и погнал упряжку вперед.

Лошади нехотя повиновались.

– Нужно спешить, – снова и снова бормотал возница под нос. – У нее мало времени.

Однако, несмотря на спешку, он не забыл заново наложить на проезд смертоносные заклинания.

На поляне, что венчала холм, за частоколом стояла приземистая, покосившаяся несуразная постройка. Перед ней на пологом склоне росли редкие деревца, оставшиеся еще с тех времен, когда здесь никто не жил.

За постройкой подняли шум встревоженные прибытием кареты животные. Громче всех хрюкали свиньи.

Навстречу вознице выбежали два мастифа, дружелюбные, но молчаливые. Псы были лишены голоса.

– Ребятки, я ее привез. Теперь проверим, прав ли я был. Попробуем изменить мир.

Он осторожно вытащил девушку из кареты. Каждая потерянная минута могла поставить под угрозу успех всего предприятия, но возница сдерживался.

С девушкой он обходился аккуратно, но от нетерпения забыл загнать карету под навес и выпрячь лошадей. Никогда прежде он так не обращался с животными.

У порога он услышал отдаленный вопль – кажется, с небес, со стороны Сумрака. Мимо посеребренных лунным светом облаков пронеслось нечто большое, гораздо крупнее ночной птицы.

– Что за чертовщина?

Впрочем, ответ он знал. Один из Десяти. Колдун, поработанный Властелином. Куда и зачем он отправился?

Возница задрожал. Дрожь усилилась, когда он предположил, что Взятый может охотиться за ним.

С чего бы? Ведь он всего лишь подобрал выброшенное тело, не нарушив никаких законов или обычаев. Выброшенное одним может быть подобрано другим, кому от этого будет толк.

Похитителю трупов хватило света спиртовок, чтобы без труда найти путь в подсобку. Спотыкаться, впрочем, было почти не обо что – он жил аскетично, храня в доме лишь необходимые для его тайных и опасных опытов вещи. Запретами властей он пренебрегал. Похищение трупа не противозаконно, однако нелегализованное колдовство карается смертью. А то, что он задумал теперь, грозит и кое-чем похуже.

Положив девушку на стол, он приступил к ритуалу.

Он практиковал некромантию и был настоящим мастером темных искусств. Чтобы стать величайшим мастером темных искусств, он должен преуспеть сегодня.

Девушка была неземной красоты. Некромант понимал это, даже несмотря на полное безразличие к женщинам. Портили ее лишь ссадины, полученные при спуске по сточной канаве. Тем не менее некроманта к ней не влекло. Если бы перед ним оказался труп столь же привлекательного юноши, разницы бы не было. Он вообще не испытывал сексуального возбуждения.

Он устал. Поездка в Сумрак, ловля трупа и возвращение измотали его и физически, и эмоционально. Но времени на отдых не было. Время – враг. Дашь ему фору, и никакие чары уже не вдохнут новую жизнь в это прекрасное тело.

Сперва нужно было остановить процесс разложения. На это ушли считанные минуты. Необходимая утварь и заклинания были под рукой.

Решив эту проблему, некромант полчаса обмывал девушку, обрабатывал ссадины и проверял наличие других повреждений. Он заключил, что не нашел бы лучшего пациента среди всех жителей Сумрака. При жизни эта девушка очень тщательно за собой ухаживала.

Беспокоило одно: совсем недавно на нее наложили серьезные чары. Остаточная магия покрывала покойницу, словно вторая кожа.

Мытье не входило в планы некроманта, но оказалось несложным и не заняло много времени.

Он взглянул на песочные часы. Отлично! Все шло гладко. В запасе оставался целый час, и некромант мог позволить себе дополнительные предосторожности.

Но вот все закончено. Осталось лишь ждать, когда подействуют заклинания, лекарства и алхимические снадобья.

На рассвете некромант собрался отдохнуть.

Но не успел он улечься, как вспомнил, что оставил у дома карету с лошадьми.

5. Давным-давно в далеких землях: Напуганная принцесса

Главный камергер склонился перед девочкой-женщиной, которая требовала, чтобы ее величали принцессой Бетдек. Это имя не было настоящим. В верхах Владычества никто не пользовался настоящими именами, особенно в присутствии наложниц Властелина. Камергер мог слышать, как какая-нибудь из сестер называла ее Криденс, но и это наверняка было ложным именем.

– Какие новости? – спросила принцесса.

– Плохие, о великая. Только плохие.

– Говори.

Бетдек сдержала гнев. Пусть ничтожный червяк думает, что завоюет ее расположение, если распахнется пониже. Лиши его надежды, и он перестанет рьяно пресмыкаться перед ней. Его усилия дарят надежду и ей самой.

– Часовой у водосброса сообщил, что в означенный час поблизости стояла карета... – Главный камергер решил не испытывать судьбу, упоминая сестру принцессы.

– Подробнее.

– Подробностей нет. Возможно, карета стояла там давно. Часовой выполнял обход, но не слышал, как она подъехала. Уловил всплеск, окликнул незнакомца. Карета сразу же укатила. Только поэтому стражник догадался, что она там стояла. Разглядеть ее в темноте было невозможно, я сам проверял.

– Значит, карета дожидалась, когда по желобу спустится моя сестра?

До такого главный камергер не додумался.

– Факты указывают на это, о великая.

Вот только ее сестра была уже мертва, когда... Или нет?

– Болванов, что должны были избавиться от нее, наказали?

– Нет, о великая, – осторожно ответил камергер.

Как же ему хотелось, чтобы это было не так! Девушка была еще жива, когда попала к ним в руки, но находилась под действием наркотиков. В соответствии с инструкцией использованная девственница была задушена.

– Но лишь потому, что у палача выходной. Я пошлю за ним.

– Не нужно. Так даже лучше. Пускай помучаются. В пыточную камеру их! Нужно узнать, не были ли они в сговоре с похитителем.

Главный камергер не сомневался, что никакого сговора не существовало, но промолчал. Такие сговоры были в Сумраке обычным делом, и ради своего же блага ему стоило принять эту версию как основную.

Для людей маленьких подобные истории всегда заканчивались плачевно.

Бетдек наслаждалась страхом главного камергера, пусть и не понимала, чем он вызван.

Быть может, это упоение страхом – последняя забава в ее жизни. Вероятно, и ей, и всем ее сестрам жить осталось недолго.

С каждым днем Властелин все безумнее. Это из-за мрачных пророчеств и бесконечных разговоров о кометах. Он, наверное, забыл, сколь многим обязан семейству Сеньяк.

– Камергер?

– Да, моя принцесса?

– Допроси всех охранников у всех ворот. Ночью мало кто выезжает из города.

– Как тебе будет угодно.

Это уже сделано. Но не нужно лишний раз сердить принцессу.

Бетдек жестом отпустила главного камергера. Тот поспешил уйти, а она задумалась, стоит ли поговорить с сестрами. Их это тоже касается. Но с момента происшествия прошло всего два часа. Ночь еще не закончилась. Пусть отдыхают.

Вдруг случится что-нибудь хорошее?

А вот беспокоить своего двоюродного деда, Взятого, известного под именем Ревун, она не стеснялась. Насколько помнила, тот никогда не спал.

Принцесса без труда заручилась помощью Ревуна. Она была его любимицей и притворялась, что тоже любит его, несмотря на мерзкий запах и леденящие кровь вопли.

Солнце просунуло сияющие пальцы сквозь занавески на восточных окнах. Главного камергера била дрожь. Докладывая, он запинаясь:

– Болваны, которые сбросили твою сестру в трубу, сначала задушили ее. Утверждают, что это стандартная процедура. Понятия не имеют, кто эта девушка. Их не предупредили, что не от всех нужно избавляться таким образом. Они категорически отрицают участие в каких-либо заговорах.

– Ты им веришь?

– Верю, о великая. Однако допрос уже близок к той стадии, когда они будут сочинять небылицы, которые, по их мнению, мы хотим услышать.

– Продолжай. Мне любопытно, чьи имена всплывут в этих небылицах.

– Как пожелаешь, о великая. – Главный камергер медленно попятился к выходу.

– Не задерживайся, камергер. Рано или поздно новости дойдут до его ушей.

Главный камергер обмочился.

– Ах, старый я болван! Чуть не забыл! Стражники у Нефритовых ворот сообщили, что в подходящее время пропустили карету. Внутри была девушка – по словам возницы, назвавшей ее отцом, – пьяная. Подозрений у привратников не возникло.

– Их арестовали?

– Нет. Они выполняли свои обязанности и рассказали обо всем без утайки. Их арест ничего не даст. Они не могли ничего заподозрить.

Кто-то должен заплатить. Лучше другие, чем она, пусть на ней и не больше вины, чем на охранниках.

Во Владычестве была установлена самодержавная форма правления, однако опорой ее, о чем не задумывался даже сам Властелин, были солдаты. Они обеспечивали исполнение воли Властелина. Без солдат империя пришла бы в упадок, даже несмотря на могущественные чары, подвластные ее безумному правителю и Десяти Взятым. Не минуло бы и века, как границы Владычества можно было бы разглядеть из окна Благодатной башни Властелина.

– Понятно.

Она действительно понимала, в отличие от ее сумасшедшего повелителя, который все, кроме собственной персоны, считал иллюзорным. Он видел в себе бога во плоти. Мир и все в нем – его игрушки.

Неоспоримое могущество Властелина в конце концов обернется его гибелью. Бетдек была уверена, что эта гибель не за горами. История полнится империями и цивилизациями, чей срок однажды истек.

Любое начало предвещает конец, пусть и наступит он через многие века.

По империи уже ползут слухи о мятежниках, собирающихся под знамя некой Белой Розы где-то в Великом лесу.

Мысли о мрачном будущем не покидали Бетдек. Она осторожно начала к нему готовиться, подозревая, что сестры заняты тем же.

Но для того, чтобы пережить грядущие смутные времена, предстояло выпутаться из нынешней затруднительной ситуации.

6. Наши дни: Чуя опасность

У Капитана случился очередной приступ порядколюбия, и он ежедневно муштровал братьев с утра до ночи. В «Темной лошадке» было почти пусто. Все чересчур уставали, чтобы развлекаться. Меня встретил хмурый Маркег Зораб. Я показал ему монетку. У старины Косто-права забот было меньше, чем у остальных, – в последнее время лечить мне приходилось разве что грибок.

Гоблин и Масло играли в тонк с парнишкой, которого звали Умником. Этот Умник был в числе тех разгильдяев, которые раззадорили Капитана. То, что он вместо тренировки просиживал зад в трактире, намекало на его скорое отчисление из Отряда.

Зораб принес мне пива и забрал деньги. Я уселся на стул:

– Я тоже сыграю.

– Какими судьбами? – спросил Гоблин и сдал мне дрянные карты.

– Заняться нечем.

– Сходи в бесплатную лечебницу, найдешь чем.

– Нет предела совершенству, – заметил Масло, намекая на Капитана.

– Сам-то чего прохлаждаешься?

– Посвящаю нашего Умника в тонкости городской разведки.

– А у тебя какая отговорка? – спросил я Гоблина, с надеждой набирая новые карты.

– Такая же, как у тебя. Заняться нечем.

– Как обычно, – сказал я Умнику. – Зато других поучать горазд. Гоблин, а с подмастерьем кто заниматься будет?

– С Третьим-то? Старик опять отправил его с Одноглазым скотину считать.

Масло добавил:

– Капитана теперь хлебом не корми, дай поглумиться над Одноглазым. С тех самых пор, как Хромой у нас побывал. И чем эта кашка так разозлила Старика?

– Сам знаешь, – ответил я. – Ты же был с нами. Одноглазый попросту повел себя как Одноглазый. Хотел воспользоваться заданием, чтобы набить карман. И нас едва не угробил, включая Капитана. Вот так-то.

Гоблин осадил меня:

– Костоправ, не лезь в бутылку. Все обошлось. Твоя милашка нами довольна.

Я поспешил перевести разговор на другую тему:

– Дело в другом. Одноглазого ничто не учит.

Гоблин ласково произнес:

– Твоя очередь сдавать.

Я сдал:

– Так-то лучше. Может, я всегда буду сдавать?

– Костоправ, – раздался над моим правым плечом голос человека, который выглядел так, будто когда-то упал с высоченного уродливого дерева и сшиб по пути все ветки.

– Леденец?

Что третий по рангу брат в Отряде забыл в такой дыре?

– Капитан хочет отнять минутку твоего драгоценного времени.

Я переглянулся с Гоблином. Масло с Умником отвернулись в надежде, что их не узнают.

Раз Леденец добрался до меня так быстро, значит он вышел из лагеря, когда я был еще на полпути к «Темной лошадке».

Собрав выигрыш, я отдал колоду Гоблину. Выйдя на улицу, спросил:

– В чем дело?

– Узнаешь, – ответил Леденец и не произнес больше ни слова.

Если не считать залежей глины, из которой получались прекрасные кирпичи, со строительными материалами в Алоэ было туго. Все постройки в лагере, включая стену, которой был обнесен город – по мнению Капитана, недостаточно высокую и прочную, – были глинобитными. Усила для глаз любителей коричневого цвета.

Жаркий ветер был достаточно силен, чтобы гнать по дорожкам листья и пыльных чертиков. Один мелкий вихрь кружил прямо напротив штаба. Я спросил Леденца:

– Это нормально?

– Не похоже. Он уже был тут, когда я пошел за тобой. Однако Молчун утверждает, что опасности нет.

В этот самый момент вихрь решил пересечь строевой плац, но рассеялся, не продвинувшись и на сотню футов.

Старик принял меня за своим массивным, грубо сколоченным столом. Жестом велел сесть напротив.

Я сел. Кроме нас и Леденца, внутри никого не было, но и Леденец быстро ретировался.

Капитан был настоящим человеком-горой, без капли жира в теле. Никто не помнил, как и почему его выбрали, но командир из него получился отменный. Отряд никогда не нес существенных потерь.

Откинувшись на неотесанном стуле, Капитан сложил руки домиком под подбородком. Уставился на меня. Все как обычно.

– Что случилось? – спросил я.

– Гоблин с Одноглазым не вели себя странно в последнее время?

– Если и вели, как это понять?

– Тут не поспоришь. Но все равно подумай.

Я подумал. Ответ остался прежним.

– Если не считать, что Одноглазый вдруг перестал врать, – добавил я.

Колдун-коротышка уже несколько недель не мухлевал в карты и не придумывал подпольных схем обогащения.

– Приму к сведению. Раз Одноглазый не врет, то наверняка он что-то задумал и не хочет привлекать внимания.

– Капитан?

Я взволновался. Если Старик берет официальный тон, значит он видит серьезную, требующую решения проблему.

– Я все думаю о визите Хромого. А ты его помнишь?

– Как такое забыть? У меня до сих пор кальсоны не отстирались.

– Вы хитро все обстряпали. Умело. Но до меня дошла правда. Что, если дойдет и до Хромого?

– А кто ему расскажет?

– Среди нас друзей у него нет, это верно. Но дело в другом. Тут и не нужен донос – твой план сам себя раскрывает.

– Ох...

Мне стало ясно, кто нас выдал. Я сам. Ведь я все записываю в Анналы. Старик изредка их почитывает.

– Сосредоточься. Хромой куда-то увозил Гоблина и Одноглазого. На два дня. И мы об этом забыли.

Я-то не забыл. Гоблин тоже вспомнил, когда я ему рассказал. Но он не помнил, что делал в эти два дня.

– Костоправ, не спускай с них глаз. Раз в деле замешан Хромой, жди подлянки. И другим передай, чтобы ни на секунду не оставляли этих двоих без присмотра.

– Заметят и разозлятся.

– Плевать. Может, хоть дурью перестанут маяться. Выполняй приказ.

Я в раздумьях вышел. Беседа с Капитаном выбила меня из колеи.

Что он задумал? Неужели правда волнуется за этих дураков и надеется, что слежка обуздает их непредсказуемый нрав?

Мы уже давно торчим в Алоэ. Одноглазый мог что-нибудь выкинуть просто от скуки.

Тут до меня дошло. Старик четко все выразил, а я пропустил мимо ушей. Одноглазый перестал вести себя как Одноглазый, и началось это после того, как Хромой улетел на своем ковре на запад.

По дороге в город ко мне прицепился Крутой:

– Отлыниваешь от дела? Заметил, что ты не заглянул в лазарет.

Об этом я и не подумал.

– Вдруг тебя там человек пятнадцать дожидаются?

– Разве что уставших от муштры симулянтов.

– Многие жалуются на головокружение.

– Не слышал таких жалоб. Ко мне приходят только с грибком, вошками и триппером. А в последнее время – только с грибком. У местных храмовых проституток никакой заразы нет. Если кто-то скажет, что у него триппер, я даже не взгляну. Пускай верещат, когда мочатся.

– В чем тебе, Костоправ, не откажешь, так это в безграничном человеколюбии.

Что-то было не так.

Крутой тоже это почувствовал:

– Мы в Алоэ или где? Куда народ подевался?

На улицах было почти безлюдно. Ветер – горячий, сухой и грязный – все усиливался. По дороге катились клочья сухой травы.

Я сбавил шаг и вынул нож, пожалев, что нет при мне оружия посерьезнее. Крутой отошел вправо, чтобы нас не смогли уложить одной атакой, и тоже обнажил нож.

Клубок травы едва не прилетел мне в грудь. Я дважды полоснул его и почувствовал себя как дурак. Но расслабляться было рано.

Ветер стих. Трава перестала летать. Возникли и тут же рассеялись пыльные вихри.

– Плевать, что там говорит Молчун. Я боюсь.

Крутой лишь фыркнул. Он был настроен на драку, а не на размышления.

– Чертовщина какая-то. Непокойно мне, – пробурчал я.

– Просто ты не доверяешь Алоэ.

Золотые слова. Это чересчур приветливый город. На меня не бросаются из каждой подворотни. Люди искренне благодарят, когда я лечу их детей. Ценят спокойствие и порядок, которые принес им Отряд. Сообщают о любых злодеяниях.

По приказу Капитана наши бойцы работают в полях и на стройке – не для того, чтобы завоевать симпатию, а чтобы лишний раз не буянить.

– Ты прав, – признался я. – Чем дольше Госпожа оберегает нас от неприятностей, тем сильнее чувство, что мы вот-вот окунемся в дерьмо с головой. Всякие ужасы мерещатся.

Перед нами закружился и растаял пыльный вихрь. Крутой не обращал на такие мелочи внимания.

– Через пятьдесят шагов будешь в безопасности.

Все верно. Ровно столько оставалось до «Темной лошадки». Буквально рукой подать. А когда я расслабился, то увидел вокруг людей и понял, что на улице мы не одни.

Мы вошли в трактир. Мой час еще не пробил.

– Крутой, надо бы мне обзавестись каким-нибудь хобби.

В трактире не оказалось ни Гоблина, ни Одноглазого. Зато был наш третий колдун, Молчун. Играл в тонк на своем привычном месте. Ему составляли общество Масло, приятель Крутого, и Эльмо. Несколько солдат следили за игрой.

– Сержант, и ты сачкуешь? – спросил я Эльмо.

– В яблочко, черт побери. Старик совсем из ума выжил.

– Может, и его этот город допек.

– В смысле?

Крутой объяснил:

– У Костоправа мурашки по коже оттого, что в Алоэ все такие дружелюбные и приветливые.

– Он из тех, кто смотрит в зубы дареному коню, – кивнул Эльмо.

Облюбованное Одноглазым место, где проще мухлевать, было занято Причиндалом.

– Костоправ, садись, я выхожу. Устал проигрывать.

Вид у меня, наверное, был чересчур озабоченный. Молчун жестом показал, что готов подвинуться.

Я признался:

– Покоя не дает мысль о том, что грядут большие неприятности. Мне едва ли не хочется, чтобы они наконец начались.

– Совсем спятил, – заключил Эльмо. – Околесицу несет.

– Костоправ, много думать вредно, – добавил Масло.

Эльмо с ним согласился:

– Вот что с людьми делает образование. Ну, чего там Старик хочет?

– Беспокоится о Гоблине с Одноглазым. Думает, Хромой с ними что-то сотворил.

– С запада не было вестей? – спросил Эльмо.

– Нет.

Послания из Башни обычно передавались воздушными курьерами. В случае чрезвычайной важности – через Гоблина. Но после отбытия Хромого летучих ковров мы не видели.

– А из главного штаба?

Уже ближе. Дешеша оттуда привозили конные гонцы.

– Нет никаких вестей. Смотри не сглазь. Я бы предпочел, чтобы о нас совсем забыли.

Молчун поддержал меня, подняв вверх большой палец, после чего сдал мне просто ужасные карты.

Колода пошла по столу. Делались ставки, забирались выигрыши. Завязался разговор о том о сем.

– Если бы я был Госпожой и хотел отправить Капитану тайное послание, то сделал бы это через Шепот, – сказал Эльмо.

– Тебе что-то известно?

– Просто мозгами шевелю.

Мы повернулись к Молчуну. Недовольный всеобщим вниманием, он жестами показал:

– *Чую опасность.*

– И как я этого не понял? – буркнул я.

– Успокойся, – произнес Эльмо. – Тебе сдавать.

Он показал пальцем на дверь. Пришел Гоблин.

Низкорослый колдун втиснулся между Маслом и Эльмо. Сегодня он, как никогда, напоминал жабу.

– С севера надвигается сильная буря, – произнес он.

Масло сказал:

– Может, это от погоды всем не по себе.

- С севера? – удивился Эльмо. – Странно. В это время года здесь случаются бури?
- Примерно раз в пять лет. Да еще какие!
- Надвигается сильная буря, – повторил Гоблин. – Костоправ, у меня нарыв. Ты бы взглянул, а?
- Прямо здесь? – Я пил пиво с жареной курицей и старался поаккуратнее брать карты жирными пальцами.
- Приду завтра в приемные часы. Ты, главное, сам не забудь появиться.
- Эльмо с Маслом нашли эту хохму смешной.
- Да я вкалываю больше всех в Отряде.
- Не знаю насчет «больше всех», но в число самых усердных шестисот пятидесяти человек тыходишь, – поддел меня Эльмо. – А теперь кончай жрать и ныть, играй по-человечески. Но карточные богини по-прежнему не благоволили мне.
- Гоблин, сядешь вместо меня?
- Колдун пробурчал что-то неразборчивое. Вид у него был смурной. Неужели нарыв так сильно болит?
- Или у него что-то похуже?
- Гоблин стар как сам мир. Кто знает, какая гадость могла к нему прицепиться.
- Тебе плохо? – спросил я.
- Нормально. Но с севера буря надвигается.
- Масло перебил нас:
- Костоправ, бери карты. Надо снять с тебя шкуру, пока ты теплый.

После завтрака я открыл лазарет. Воздух был тяжелым, влажным и спертым. Один из тех дней, когда у всех плохое самочувствие, дурное настроение и никакого желания работать. Вскоре с севера подул резкий холодный ветер.

На осмотр пришли трое. Ни одного симулянта. Двое – с очагами фиолетового грибка на ногах. Каждый день он у кого-нибудь появляется. Откуда берется – никто не знает. Солдаты говорят, что перед возникновением пятен у них кружилась голова. Борная мазь с солью избавляет от грибка за три втирания.

Эта напасть постигла не только Отряд. Для местных врачей грибок тоже стал сюрпризом. Однако он не был опасен, и повторных заражений не случилось.

Гоблин появился, когда я уже устал его ждать. Он был явно не в своей тарелке. Неприятно для него. Я осматривал и лечил его уже много лет. Ему нечего было стесняться.

- Что-то ты на себя не похож.
- Не знаю... Думаю, со мной что-то сделали.
- Ты говорил про нарыв?

Гоблин начал что-то бурчать о себе в третьем лице на два голоса. Я перебил его:

- Кончай придуриваться, коротышка. Раздевайся.

Он заткнулся. Разделся. Его бледную одутловатую тушку едва ли можно было назвать магнитом для девушек.

Нарыв был на пузе, справа от пупка. Диаметр полтора дюйма, округлый, гнойный и вонючий, но без признаков гангрены. Чем-то похожий на мишень: внешний круг ярко-красный, с признаками воспаления, средний – черный, а посередине – гнойная головка в треть дюйма диаметром.

- И давно ты с этим ходишь?
- Давненько. Сначала был обычный прыщик. Я его выдавил. Он снова вырос. А теперь стал вот таким.
- Похоже на паучий укус. – В здешних зарослях водились весьма злобные пауки-отшельники. – Сейчас почищу и проверю. Магией пытался лечить?

- Замедлил рост да зуд унял, но вывести эту дрянь не получилось.
- Забирайся.

Я уложил его на операционный стол и достал скальпель. Удалил гной и омертвевшие ткани, продезинфицировал ранку чистым спиртом. Одну унцию для тела, две – для души. Гоблин сильно орал, и пришлось дать ему еще две. Затем я положил в ранку кусочек серы и капнул серной кислоты. Промыл и уже собрался закрыть свежим лишайником, когда заметил в глубине черную точку.

– Не дергайся. Я что-то нашел. – С помощью скальпеля и пинцета я извлек вероятную причину воспаления.

Перебинтовав рану, я выдал Гоблину еще две унции медицинского спирта.

– Садись. Видишь? Вот это было в ране.

Гоблин скривился:

– Едва разглядишь.

– Мог ты о шип уколиться или занозу посадить?

– От занозы такого не бывает. Дай-ка пробирку, положу туда эту хреновину.

– Приходи завтра утром. А пока попробуй разузнать, что это. Кстати, у тебя прыщик не после поездки с Хромым появился?

Гоблин нахмурился:

– На что намекаешь?

– Капитан подозревает, что с тобой и Одноглазым что-то неладно.

– Из-за Хромого?

– Да. В первую очередь, конечно, с Одноглазым. Он странно себя ведет.

– Как это?

– Мухлевать перестал.

– Твою же мать!.. И правда! Он не мухлевал с тех пор, как... как задумал налет на храм Оккупоя. Проклятье! Кажется, лекарство начинает действовать. Надо повязать засранца и допросить под гипнозом.

– Неплохая мысль.

Я подумал, что самого Гоблина неплохо бы отвести в «Темную лошадку», чтобы там над ним поработал Молчун, но тут вмешалась погода.

Северный ветер превратился в настоящий ураган. Раскатился гром. Запахло грозой.

– Пойду отосплюсь. Глядишь, и буря уляжется, – сказал Гоблин и принял очередную дозу «лекарства».

– Пожалуй, пропишу и себе алкогольно-постельный режим.

Небесные владыки устроили жестокую сечу. Двери и ставни тряслись, дождь хлестал по крыше лазарета. С порога текло. После бури понадобится серьезный ремонт. Стоит отвалиться штукатурке – и глинобитные стены быстро придут в негодность. Крыша тоже начала протекать.

Взбодрившись «лекарством», я решил вернуться в «Темную лошадку».

Но тут дверь резко распахнулась и в лазарет ворвался Капитан. Даже ему не хватило сил закрыть дверь против ветра, и я был вынужден помочь.

Внутрь летели градины размером с голубиное яйцо и били больно.

Старик разразился несвойственными ему проклятиями. Затем уже спокойнее произнес:

– Что за чертовщина? Лето на дворе!

– Местные говорят, такое случается раз в пять лет. Гоблин тоже еще вчера предсказал.

– А он откуда узнал?

– Без понятия. Думаю, могло быть и хуже.

Капитан посмотрел на меня с пристрастием:

– Нам месяц понадобится, чтобы все восстановить.

– Ты чего-то хотел?

– Два «чего-то». Во-первых, доклад о Гоблине. Во-вторых, лекарства от этой фиолетовой фигни. – Он закатал правую штанину. – Быстро разрослось. Вчера только чесалось, а сегодня вот.

– Снимай штаны.

Он подчинился:

– Так что там с Гоблином?

– Сперва я решил, что его паук цапнул. Когда обработал рану, заметил крошечную черную соринку, вроде занозы. Гоблин сам ее проверит. Залезай на стол. Не шевелись, пока мазь не засохнет. Голова не кружится?

– Кружится. Откуда знаешь?

– Все, у кого этот грибок, жалуются на головокружение.

– У городских он тоже бывает?

– Бывает. Лечатся точно так же.

– Кажется, помогает. Зуд как рукой сняло.

Гром загремел с новой силой. Здание встряхнуло. Град забарабанил по крыше, пробив новые дыры.

Капитан заворчал:

– Еще паводка нам не хватало. Беда. Пришлю к тебе Одноглазого. Осмотри его как следует. Ясно?

– Что искать?

– Поймешь, когда увидишь. Если увидишь.

Воздух был переполнен влагой. Мазь на ноге Капитана отказывалась подсыхать. Он сел и потыкал ее пальцем:

– Вся эта вода отвлекает нас от дела.

Снова гром. За окном ослепительно сверкнули молнии. Эпический потоп и не думал прекращаться.

Кругом грязь. Под ногами ничего не увидишь из-за расходящейся волнами воды. Казалось, лагерные постройки тают. Те, которые не успели подновить, больше не пригодны для жилья.

Ветер не ослаб, но стал суше. Хоть какое-то облегчение.

Ни в лагере, ни в городе никто не погиб. Несколько человек пострадали. А вот многим зданиям был причинен непоправимый ущерб. Жители в отчаянии спасали хоть какие-то пожитки.

Местные утверждали, что в этот раз их защитили боги. Раньше бури бывали куда разрушительнее.

Объявился Одноглазый. Выглядел он так, будто хотел перецеголять самую смерть. Третьего он оставил на свиноферме. Одноглазый сказал, что буря застала Третьего в открытом поле и его сильно побило градом.

Чернокожего уродца в вонючей шляпе потащили ко мне в лазарет. Он сопротивлялся и верещал, что не хочет меня видеть.

Лазарет отремонтировали после столовой. Такие уж приоритеты.

– Раздевайся, – приказал я.

– И не подумаю! Костоправ, какого черта?!

– Господа, помогите нашему брату разоблачиться. Только не забудьте потом помыть руки.

Одноглазый был нечистоплотен. Носил одежду, пока та не превращалась в труху или пока не добывал обновку путем кражи. В его нынешнем одеянии могла скрываться какая угодно зараза.

Леденец снял с него шляпу. Одноглазый попытался врезать сержанту по шарам, но тот в ответ двинул ему кулаком в солнечное сплетение.

Одноглазый завизжал, как брошенная в костер девочка. Все замерли. Колдун осел на пол. Черт побери!

– Господа, продолжайте.

Господа закончили его раздевать, стараясь не причинить лишних увечий. Сам Одноглазый больше никого не провоцировал.

Пришел Гоблин. Он мог мне пригодиться.

– Вставай, шмакодявка. Леденец, надо положить его на стол.

Одноглазого подняли и уложили.

– Боги! – вырвалось у кого-то.

Из-за фиолетовых ног колдуна? Или из-за запаха? Удар Леденца сорвал с живота Одноглазого заскорузлую тряпку, открыв мерзкого вида рану.

– Прежде чем копаться в нем, надо бы его усыпить. Гоблин?

– Ничего не могу предложить.

Я попросил его принести нужные для сонного снадобья ингредиенты, замешал их в сладкое инжирное вино. Пока я возился, Одноглазый очухался. Вернулся к нему и привычный гонор. Пришлось силой вливать в коротышку пойло.

Наконец Гоблин объявил:

– Уснул.

– Можете идти. Он подрыхнет несколько часов, а когда очухается, у него не будет сил брыкаться.

Леденец с ребятами удалились. Кто-то предложил сжечь шмотки Одноглазого, в которых могли водиться и вши, и кое-что похуже.

– Это перебор, – сказал я. – Просто выстирайте.

Появился Капитан, с головы до ног в грязи. Он работал наравне со всеми.

– Ну что здесь у тебя, Костоправ?

– Пока лишь худший случай заражения фиолетовым грибом. Обе ноги от ступней до бедер. В некоторых местах цвет уже серо-зеленый. Полагаю, Одноглазый специально скрывал заражение.

– С него началось?

– Похоже на то. Подумываю, не оставить ли все как есть: неплохо бы узнать полный цикл болезни. – Я соскоблил часть посеревшего грибка, чтобы взглянуть на то, что под ним.

– А что за рана на животе?

– Как у Гоблина, только глубже и запущенней. Выглядит и пахнет так же. Быстро не вылечишь.

– А сам он не лечился.

И это странно. Одноглазый – мой помощник в медицинских делах. Ему следовало бы лучше за собой следить.

– Узнаем причину, когда очнется.

– Оставляю его тебе. Мы с Гоблином перекинемся парой словечек.

Ух! Бедняга Гоблин!

Я достал несколько пробирок. В одну положил образец гноя, в другие – соскобы грибка. Прочистил рану Одноглазого и нашел похожую на занозу соринку.

– Так-так. Опять то же самое.

Задумчивый разговор прекратился, к нескрываемой радости Гоблина. Он смахивал на ребенка, избежавшего наказания розгами. Капитан осмотрел рану Одноглазого:

– Сможешь остановить заражение?

– Смогу, если Одноглазый сам его не запустит.

Капитан повернулся к Гоблину:

– Если твой дружок откинёт копыта, тебя вместе с ним зарюю.

Он вышел.

Я взглянул на Гоблина:

– Ничего себе!

– Да, он здорово разошелся.

– Был повод?

– У Старика просто нет чувства юмора.

– Откуда ему взяться, когда вокруг бедокуры, вроде вас с Одноглазым. Так-то он не прочь пошутить. – (Гоблина мое замечание не обрадовало.) – Узнал что-нибудь о шутовине, которую я из тебя вытащил?

– Это жвало ядовитого паука. Не паука-отшельника. Заражение – отвлекающий ход. На жвало было наложено заклинание. Ты испортил его, когда убедил меня, что мы с Одноглазым два дня пропадали. Но жвало продолжало меня травить, пока ты его не вытащил.

– Кое-что проясняется. Заклинание должно было заставить тебя что-то сделать?

– Не знаю. Можем спросить Одноглазого. Он был заколдован дольше моего.

Не слишком обнадеживающе. Такое чувство, нас всех дергают за ниточки.

– Гоблин, если взглянуть со стороны, похоже это на работу Хромой?

Обычно Хромой решает проблемы открыто, с присущим ему размахом. А такой хитрый способ не в его духе.

– Насколько хорошо мы его знаем? Не то чтобы очень. Но кому еще может быть выгоден этот трюк со жвалами? После битвы при Чарах – никому. Разве что Шепот...

Ой-ой!

Несколько лет назад на лесной полянке мы с Вороном устроили засаду и взяли в плен Шепот, большую шишку у мятежников. Потом она вошла в число Взятых и стала военным губернатором Госпожи на востоке.

На той полянке присутствовал еще один человек. Взятый, переметнувшийся на сторону врага. Хромой. Ох и дорого же он заплатил за свою измену!

– Наверное, он мог бы до такого додуматься, – продолжал Гоблин. – Он вряд ли показал нам все, на что способен. Одно не вызывает сомнений: с тех пор как мы нашли ту записку, ему лучше не делать ничего, что привлечет внимание Госпожи.

Я выдохнул. С Одноглазым я закончил.

Гоблин не унимался:

– Мы не знаем наверняка, что Хромой глуп. Просто при такой силище, как у него, можно и без ума обходиться.

– Пожалуй. – Я вовсе не был в этом уверен.

Гоблин фыркнул:

– Черт побери, Костоправ! Опять ты слишком много думаешь!

Шли дни, а с ними – работа. Старик отрядил на восстановление лагеря лишь двести солдат. Сам он вопреки обыкновению постоянно был раздражен. Мало спал. Кое-кто, включая меня, теперь подрабатывал в городе. Остальные отлавливали в округе разбежавшийся скот, собирали то, что осталось от урожая, и сажали скороспелые растения, чтобы и Отряд, и Алоэ избежали голодной зимы.

Гоблин продержал Одноглазого без сознания пять дней.

Обычно эти двое собачились, как заклятые враги, но друг без друга они не могли жить. У меня было предчувствие. Смутное, но все же предчувствие.

Ссоры всегда затевал Одноглазый. Однако с тех пор, как Хромой убрался из города, они с Гоблином ни разу не сцепились. На это обратил внимание только Капитан.

Будучи одним из немногих образованных братьев Отряда, я занимался физическим трудом лишь по необходимости. Не брал в руки лопату или мотыгу. Но я искренне сочувствовал кузнецам, оружейникам, плотникам и Молчуну. Тот вкалывал до седьмого пота, стараясь как можно скорее отвести воду с полей.

Во влажной среде процветал фиолетовый грибок. Ко мне приходили десятки людей. Запасы борной кислоты иссякали.

На седьмой день ликвидации последствий бури я наконец добрался до «Темной лошадки». Так вымотался, что не знал, найду ли силы вернуться в лагерь.

– Костоправ? – Зораб удивился, увидев меня.

Кроме него, в трактире никого не было. Он сидел за стойкой, освещенной одной тусклой лампой.

– Черт побери! Не думал, что здесь будет пусто.

– Я тоже. Ждал, что люди придут заливать свои печали. Но у всех проснулась сознательность. Даже у меня. Я так устаю за день, что даже притворяться не могу. Чего тебе? – Он сполз с табурета и зашел за стойку. – Пива, чего же еще. Вы, ребята, только пиво и хлещете.

Он достал кувшин. Я положил на стойку монету. Он отодвинул ее:

– Не надо. – Зораб налил кружку себе, вышел из-за стойки. – Это вы во всем виноваты.

– Мы? Почему?

– Этот ваш Отряд... Вы с таким усердием стараетесь все исправить, что и местные, следуя вашему примеру, вкалывают, вместо того чтобы топить горе в кружке и грозить кулаками богам.

– На богов надейся, а сам не плюшай.

– Верно. Но, как по мне, вы подаете плохой пример.

– Извини, Маркег. Пойду-ка я, пока не вырубился.

– Постой.

Я ждал, облокотившись на стойку, пока трактирщик терзался размышлениями.

Маркег Зораб не всегда был трактирщиком. У этого здоровяка хватало шрамов. Его «вчера» и «сегодня» вечно были на ножах.

Он хотел что-то мне рассказать. Лучше сделать это сейчас добровольно, чем потом, перед куда менее дружелюбными людьми.

– Костоправ, ваши ребята не делали мне зла. Да и для Алоэ вы – благо. Во многом незаслуженное.

– Мы миротворцы. Стражи порядка. Это наша обязанность. Где мы, там процветание. – Я удивился собственному сарказму.

– Многие этого не замечают. А некоторым это не нравится.

– Гм?..

– Есть люди, которые хотят вам отомстить за ту девушку из храма.

– Вот как?

Меня удивляло, что нам до сих пор не отомстили. Семьи у девушки не было, но недовольство вызывает сам факт нашего вторжения в храм.

– Меня просили шпионить за вами, – сказал Зораб.

– Шпионь сколько угодно, если так будет безопаснее для тебя.

– Проклятье! Хочешь сделать меня двойным агентом?

Волей-неволей, сам того не ведая, Зораб все равно им станет. Все, что мы скажем в его присутствии, будет лапшой для мятежных ушей.

– Нас это не волнует. Мы ни от кого не таимся. Так было с незапамятных времен и до сей поры работало безотказно.

Сам-то я в это верю? Отчасти. Я редко об этом задумывался.

Зораб решил:

– Есть еще кое-что.

– Мне нужны распорки для глаз, – сказал я Молчуну. – Не знаю, как вообще сюда дошел. Я преувеличивал. Обходиться без сна – одно из главных солдатских умений.

Одноглазый был едва-едва, но в сознании. Нужно было приглядывать, чтобы этот мелкий кусок дерьма чего-нибудь не выкинул.

Я рассказал Капитану о беседе с Зорабом.

– Действуем самостоятельно, – коротко ответил Старик.

Затем попросил меня присмотреть за Одноглазым. Я почувствовал, что новости обрадовали Капитана.

Молчун с Гоблином хотели погрузить Одноглазого в гипнотический сон. Молчун пробовал этот метод на Гоблине, но безрезультатно. С Одноглазым могло получиться.

– Что сказал Капитан? – шепотом спросил Гоблин.

– Я раздобыл подтверждение, что против нас готовится заговор. Помощи ждать не от кого.

Гоблин кольнул Одноглазого булавкой. Тот не отреагировал.

– Как это понимать?

– В деле может быть замешана Шепот. И Хромой. Мятежнику по имени Ядро Баллисты еще прошлой осенью приказано нас уничтожить. Он двоюродный брат Шепот. Возможно, стоит послать весточку в Башню.

– Где ты все это разнюхал?

– В городе. Слухи расползаются.

– Насколько достоверные?

– Может, вообще недостоверные. Но если задуматься... Где вы пропадали два дня? С чем вернулись? Хромой даром времени не терял. Он выполнял распоряжение Госпожи, но одновременно и под нас копал. Заколдовал вас с Одноглазым, чтобы не смогли связаться с Башней. А если бы попытались, он бы сразу узнал. Так?

Гоблин снова кольнул Одноглазого.

– Наверное.

– Предположим, он увез вас специально, чтобы подорвать наше к вам доверие. Заставить нас действовать с осторожностью. Но в случае Одноглазого было и еще кое-что.

Если бы в Отряде все относились к гигиене так же, как Хромой, фиолетовый грибок надолго вывел бы нас из строя.

– Понятно. Звать мамочку нельзя, к Шепот обращаться нельзя, посылать связного в Башню нельзя. Молчун, ты готов?

Тот кивнул.

Я сказал:

– Думаю, Шепот с Хромым решили сделать Ядро Баллисты орудием своей мести. А сами будут сидеть и прикидываться, что они ни при чем. Ведь помощи мы не просили. Только сперва уберут Ядро.

– Это значит, что Шепот замешана по самые уши. Костоправ, в твоей бочке меда лишь одна ложка дегтя. Тот клочок пергамента. Хрому позарез нужно будет его вернуть. Эта записка – его приговор. Одноглазый? Просыпайся, дорогуша, сколько можно дрыхнуть.

Копию записки я засунул под рубашку Тидэс Эльбы, прежде чем отправить девчонку с Хромым в Башню. Возможно, Госпожа уже установила за Взятым слежку. Но пока Гоблин с Одноглазым под подозрением, я об этом не упоминаю.

– Ядро Баллисты уже где-то поблизости. Вообще-то, он должен был напасть, пока мы очухивались после бури, – объяснил я.

Мятежники знали заранее о наступлении плохой погоды, но и сами пострадали от нее. Нападение запаздывает более чем на неделю.

Гоблин с Молчуном жестами приказали мне замолчать. Вдруг и у стен есть уши?

Войско Ядра не собралось в назначенное время в назначенном месте. Почему – Зораб не знал. Вероятно, случилось нечто непредвиденное.

А от непредвиденного не застрахованы даже злодеи.

Одноглазый открыл глаз. Колдун выглядел отдохнувшим, свежим, расслабленным. Он с охотой поддержал разговор. Его ответы, впрочем, были не полезнее гоблинских.

Гоблин расспрашивал его и так и сяк. Безрезультатно.

– Над ним поработали усерднее, чем надо мной, – сокрушенно заявил он.

– Возможно, дело в темпераменте. Оставим его под гипнозом?

Молчун жестами сказал что-то о Третьем.

Гоблин кивнул и начал разговор о пауках. Одноглазого эти восьмипалые создания интересовали только в качестве проклятия, которое можно было наслать на врага. Гоблин жестами объяснился с Молчуном, потом сказал мне:

– Нужно выйти.

Снаружи было темно. Небо было безоблачным и безлунным; звезды заполнили его сияющим потоком. Гоблин прошептал:

– Одноглазый почувствует, что меня нет рядом, чтобы его защитить.

Значит, Молчун решил напустить на Одноглазого фантомных пауков.

– Костоправ, твоя помощь больше не нужна. Поди займись любовью с койкой.

– Не спеши, – раздался голос Капитана.

Отлично. Он вернулся и решил, что я до конца жизни обойдусь без сна.

– Капитан?

– Какие успехи?

– Никаких, – ответил Гоблин. – Мы собирались...

– Заканчивайте здесь. Появились более важные дела. Костоправ, говоришь, этот Ядро Баллисты нападет с севера?

– Так точно. Он задерживается.

– Гоблин, кто из вас умеет управляться с дикими животными?

– Все.

– А кто лучше всех? Хочу послать птичку на поиски этой легендарной повстанческой армии, о которой заявил Костоправ. Нужно узнать, где она и насколько пострадала от бури.

– Тогда тебе нужен Молчун.

– Приведи его.

– Сделаю. – Гоблин скрылся в лазарете.

Капитан обратился ко мне:

– Сдается, твой информатор, сам того не зная, ввел тебя в заблуждение.

В лазарете раздался вопль Гоблина. Мы с Капитаном поспешили внутрь.

Одноглазому удалось освободить руку. Он ударил Гоблина и принялся колдовать.

Старик треснул Одноглазого по макушке, обошел спереди, чтобы колдун видел, с кем имеет дело, и зажал ему рот вместе с носом.

Одноглазый отключился. Капитан приказал:

– Суньте его в бочку из-под соленых огурцов, не выливая рассола. Костоправ, помоги Гоблину и иди спать. Молчун, а ты за мной.

«И что на него нашло? Обычно он не вмешивается», – подумал я.

Гоблин заметил, что бочка с рассолом – неплохая лечебница.

Упаковав Одноглазого в подходящую тару, мы заколотили крышку и отправились по койкам.

Утром я проснулся как будто с похмелья. В лазарете ждали приема добрых тридцать солдат. Четырнадцать – с ранней стадией фиолетового грибка. Слух об Одноглазом быстро разлетелся по лагерю. Говорили, что он будет сидеть в бочке из-под огурцов, пока мы не найдем лекарства от запущенной формы одолевшей его хвори.

Были на приеме братья с ушибами и ссадинами, двое – с сильной простудой, один – с траншейной стопой из-за длительного пребывания в холодной воде. Остальные – симулянты.

Пришел приказ о строевом смотре и начале тактических занятий. Поговаривали, что Старик собирается атаковать, как только узнает местонахождение Ядра Баллисты.

Сомнительный план. После битвы при Чарах мы ни разу не побывали в серьезном деле. А в той резне участвовало меньше половины нынешнего Черного Отряда.

Последним пациентом оказался Эльмо. Работал неисправным молотком и сломал мизинец на левой руке. Я спросил, что задумал Старик.

– Костоправ, такие вопросы задавай лично ему. Мне известно лишь, что у нас день на сборы. Завтра выступаем против миллиона чокнутых мятежников.

Наш храбрый сержант умел недоговаривать. Так легче мотивировать солдат и держать их в повышенной боевой готовности. На каждого из них приходилось тридцать-сорок врагов.

Я же прочитал между строк еще кое-что. Нужно было это проверить.

Закончив прием, я отправился узнать, не нужна ли еще кому-то моя помощь. Зря. Надо было остаться в лазарете и подготовиться к походу. Погрузить медицинские принадлежности в фургоны и тщательно все перепроверить.

В лагере кипела деятельность. Никто не скрывался, и любой шпион мог легко все увидеть. Солдаты тренировались. Лучники проверяли луки и тетивы. На телеги грузили провизию. Конюхи осматривали подковы у лошадей. Возницы чинили уздечки, хомуты, шлеи и постромки. Колесники и тележники проверяли исправность повозок. Около сотни солдат продолжали восстанавливать лагерь. Разобрав непригодные для жилья постройки, они укрепляли кирпичами внешнюю стену.

Фургонов было чересчур много. Старик нанял в городе еще сорок, с двумя ездовыми на каждый, рассчитывая, что среди этих людей окажутся шпионы.

А вот и он, легок на помине.

– Готов выступать, Костоправ?

– Почти, Капитан.

– Хорошо. Закати-ка нашего огурчика в штаб и оставь у своего стола.

У стола, за которым я должен был вести Анналы, но которым пользовался от силы четверть моего свободного времени, предпочитая уединяться в лазарете.

– Черт! Я ведь оставил там Анналы! В бурю...

– Они целы. Лежат себе в водонепроницаемом чехле. Скажи спасибо писарям, когда прикатишь бочку. А пока у тебя есть заботы поважнее.

Заточая Одноглазого в бочку, мы забыли заткнуть ему рот. Пока я транспортировал его в штаб, пришлось выслушать немало «лестных» слов. Пропихнув бочку в дверной проем, я закатил ее в мой уголок. Недомерок, должно быть, забыл, что лишь благодаря моей заботе не

бултыхается в рассоле, рискуя захлебнуться. А то ведь была у братьев идея добавить в емкость десяток галлонов.

Один из писарей спросил:

– Сударь, может, ты ее под стол задвинешь, чтобы проход не загораживать?

– Не влезет.

– А если закатить? Давай помогу.

Вместе у нас получилось. Я надеялся, что Старик все рассчитал. Его предшественники пробовали разные методы, но так и не преуспели в укрощении Одноглазого.

Мне было вовсе не жаль вредного коротышку. Сам виноват.

– А что с моими бумагами?

– Не волнуйся.

– Но... – Мой рабочий стол, как всегда, пребывал в беспорядке.

– Лучше собери передвижной лазарет. Конные разведчики скоро отправятся.

Разумно. У меня осталось мало времени на сборы.

– Но...

Не дав договорить, меня буквально вытолкали из штаба.

В лазарет ворвался солдат. Придержал дверь, и еще двое внесли носилки.

– Вашу мамашу! – Я успел собраться, и для ампутации или другой серьезной операции пришлось бы доставать из фургона вещи. – В чем дело?

За носилками вошли Молчун с Гоблином. Человек-жаба объяснил:

– Третий. Нужно привести его в чувство, чтобы расспросить.

Солдаты поспешили смыться. Никто не хотел связываться с колдунами. Носилки опустили на пол, а мне необходимо было переложить пациента на стол.

– Чего ждем, ребята? Поднимаем! Что с ним?

– Неудачная попытка самоубийства, осложненная чрезвычайной глупостью и безответственным отношением к гигиене, – ответил Гоблин.

Я заметил порезы на запястьях. Поперечные, неглубокие. От тупого ножа. Третий явно не был тверд в своем решении свести счеты с жизнью.

– Надо его привязать.

Пока колдуны этим занимались, а я готовил нюхательную соль, появился Капитан:

– А почему он в одежде?

Я нахмурился.

– Одноглазого с Гоблином ты раздевал, – заметил Капитан.

В одном случае у меня было достаточно помощников, а в другом – пациент разделся добровольно.

– Как прикажешь. Ребята, развяжите его.

Раздев Третьего, мы снова его привязали.

Я осмотрел парня. Ничего подозрительного, если не считать запущенного фиолетового грибка и целого стада вшей. Вонял он не меньше Одноглазого, хотя сходных язв на теле не было.

– Зачем он себя порезал? – спросил Капитан.

Я протянул ему нюхательную соль:

– Сам спроси.

Я принялся обрабатывать пораженные грибком участки кожи.

– Пускай его потом хорошенько вымоют.

Соль привела Третьего в чувство. Старик ускорил процесс, похлопав его по щекам:

– Сколько пальцев, пацан?

– Сри?

– Почти правильно. Расспросите его и дайте мне знать, когда закончите. Нужно проверить, ушел ли передовой отряд.

– Значит, все-таки выступаем, – пробормотал я под нос.

– Ходит слух, что никакого Ядра Баллисты нет и все это – учения, – сказал Гоблин.

– Вот как? А я слышал, что сама Госпожа идет к нам на помощь.

Гоблин ухмыльнулся Молчуну:

– Наш дружок, должно быть, надеется на перепихон!

– Допрашивай пацана, маломерок.

– Ой, какие мы обидчивые!

Иногда они меня просто бесят. Половину вопросов я пропустил мимо ушей. Однако о том, чем занимался Одноглазый во время своей отлучки, я выслушал внимательно.

Меня не удивило, что колдун то и дело оставлял Третьего в одиночестве и не участвовал в пересчете скота. Он был ленив до мозга костей и прикладывал усилия лишь для того, чтобы не сдохнуть.

Третий подозревал, что у Одноглазого есть какой-то план. Сказал, что колдун беспрестанно жаловался, что находится вдалеке от лагеря.

– Вот только он не жаловался, как обычно, на отсутствие женщин, пива или невозможность играть в тонк, – сообщил по-прежнему вялый Третий. – Просто говорил, что должен быть в лагере, и терялся, когда я спрашивал почему.

– Откуда взялись вихри? – спросил я, ко всеобщему недоумению. – Ну, эти мелкие пыльные чертики?

– Я таких прежде не видел. Да и для этих слишком сыро.

Молчун помотал головой и показал что-то жестами. Гоблин перевел:

– Тут везде травостой, в таких краях пыльных бурь не бывает.

Возможно, Молчун прав и вихри действительно не представляют угрозы. Опять я отвлекаюсь на чепуху.

– Ладно, продолжим наше грязное дело.

Эти плуты так и сяк пытались найти подход к парню, но толку не добились. Он не сообщил ничего, о чем мы и так не знали. Судя по всему, Одноглазый что-то замыслил.

Я вымыл Третьего, намазал мазью и забинтовал. Сражение ему придется пропустить. Шум снаружи оповестил о том, что в поход выступают основные силы. У меня оставались считанные минуты.

– А зачем ты пытался покончить с собой?

Третий опешил. Затем нахмурил лоб:

– Ничего я не пытался.

Я поднял его руку и показал жуткие порезы.

– Свиновод сказал, что это твоя работа, – пояснил Гоблин. – Правда, сам он ничего не видел.

Наступила тишина. Всех осенила одна и та же зловещая догадка.

Одноглазый?

Разорались ездовые из моего обоза: мне следует пошевелить жирной задницей, если не хочу идти пешком.

Мы преодолели каких-то девять миль. Вечером ко мне заявился десяток солдат, почти все с мозолями. Капитан с важным видом расхаживал по лагерю, выслушивал доклады. Когда Старик добрался до меня, солдаты забеспокоились, что он может ужесточить требования к физической подготовке.

Предстоящие военные действия их не волновали. А вот усиленная муштра – еще как.

В этом была вина Старика. Он убедил солдат, что те неуязвимы. Это стало для них прописной истиной, и теперь в это верили не только братья Черного Отряда, но и местные жители.

Обработав все мозоли, я поел и отправился навестить Гоблина. Вдруг Третий вспомнил еще что-нибудь? Однако колдуна я не нашел. Старик заставил их с Молчуном искать Ядра Баллисты с помощью сов. Пришлось возвращаться к работе.

Помощь понадобилась в саперной роте. Пострадали пятеро солдат; двоих принесли на носилках.

– Что случилось?

– Разворошили осиное гнездо, – с сильным ханфельдерским акцентом ответил сержант.

Я опустил на колени перед носилками. Солдат стонал. Его лицо и руки были покрыты волдырями от укусов. Глаза заплыли. Я опасался, что он может ослепнуть. Его сосед был в таком же состоянии.

– Вы что, палками гнездо дубасили?

Сержант проворчал:

– Этот тупица Клеймовщик уронил гнездо.

Заметив предостерегающие взгляды остальных, он умолк. Что-то здесь нечисто.

– Это бумажные осы или пятнистые? Успели заметить? – спросил я.

Оба вида строят гнезда на ветвях. И те и другие широко распространены в здешних краях. И те и другие агрессивны и больно жалят. Но пятнистые осы, издали немного похожие на шмелей, гораздо опаснее. Они мстят обидчику и преследуют его до конца.

В отличие от пчел, эти мерзкие насекомые способны жалить без остановки.

– Бумажные.

– Повезло. Пятнистые зажали бы вас до смерти.

Подошел Капитан и, остановившись в нескольких ярдах, принялся считать потери. Его крайне раздражало, когда солдат получал увечья не в бою. Вместе с таким солдатом выбывал еще один, вынужденный помогать пострадавшему.

Я помог недотепам. По составу мазь от укусов мало отличалась от той, которой я лечил грибок.

Предстояло принять важное решение: оставить бедолаг здесь или отослать в основной лагерь. Я повернулся к Капитану, но того и след простыл. Гоблин с Молчуном так и не объявились. Эльмо с головой ушел в сержантские обязанности. Никто не отдыхал; те, кто не нес вахту и не спал, чинили обмундирование и точили оружие.

Я вернулся в передвижной лазарет. Гениальные охотники на ос успели смыться.

Покончив с делами, я закутался в одеяло и уснул под радостное комариное пение. Надо бы взять ученика, чтобы было на кого орать, когда настроение ни к черту.

В походе утро наступает рано. Еще не забрезжил рассвет, а все уже встали, поели, собрались, впрягли лошадей – приготовились выступать. Днем я лечил синяки и шишки. Никто не жаловался на головокружение или зуд. Никто больше не тревожил осиные гнезда. Мы поднялись на высокий холм, покрытый густым диким лесом. Спустились по обратной стороне к шаткому мосту, дождались, когда наши саперы его укрепят. При такой высокой и бурной воде искать брод не имело смысла. Обычно в это время года природа окрашена в унылые коричневые тона, но сейчас нас окружала пышная зелень.

Мы взобрались еще на один холм. Подъем был более продолжительным, но менее крутым. Тут и там виднелись неряшливые рощицы и отдельные дубы. Здесь начинались пастбища. Вдалеке маячили стада овец и другого скота. Сперва я решил, что пастухи вывели их полакомиться свежей травкой, но вскоре понял, что они уводят худобу в леса, прячут. Они двигались навстречу нам, спасаясь от своих мнимых освободителей.

Значит, Ядро Баллисты не выдумка. Просто он не слишком торопится встретить свою судьбу. Задержался уже на десять дней.

Мои сомнения развеялись.

Мы всегда что-нибудь выдумываем, чтобы заставить наших врагов беспокоиться.

Дальний пологий склон оканчивался у речки, более широкой и глубокой, чем та, что мы пересекли ранее. Здесь повсюду были известняковые скалы, усыпанные валежником овраги и лощины, отдельные купы дуба падуболистного. Когда-то здесь пытались выращивать виноград, но оставили эту затею. На другом берегу реки – зеленые луга, деревеньки, фермерские хозяйства и опять же пастбища. Вдалеке у холмов клубится пыль. Поднять такую тучу может только большое войско.

Наши офицеры знали, что делать, и распоряжений не дожидались. Солдаты принялись рыть траншеи прежде, чем я перестал любоваться пейзажем. Определенно, медицинский персонал в число посвященных не входил.

Леденец пришел ко мне с картой и показал, где развернуть полевой госпиталь: к западу, за деревьями и грядой холмов, прямо у дороги, по которой мы в случае необходимости будем отступать.

Карта была не новой, но весьма подробной. Еще одно доказательство того, что на врачей всем наплевать.

Устроив госпиталь, я отправился вынюхивать.

Капитан хорошо подготовился. Выбранное им место идеально подходило для размещения траншей, ям, малозаметных проволочных заграждений, частоколов и прочих препятствий. Чтобы добраться до нас, мятежникам нужно переправиться через реку по двум мостам: каменному и хлипкому деревянному в полумиле выше по течению.

Неужели Старик ожидает, что Ядро Баллисты пойдет на нас в открытую, понадеявшись на численное преимущество?

Я высокого мнения о своих умственных способностях. Я сообразительнее большинства. Стыдно признаться, что с самого начала я пустился по ложному следу. Пока ломал голову над мнимыми загадками, вроде обыкновенных пыльных вихрей, легко излечимого фиолетового грибка и поведения Одноглазого, наш неуклюжий Капитан прокладывал собственный путь. И всех обманул.

Отряд предпочитает избегать сражений, когда это возможно. Чтобы сбить врага с толку, мы применяем различные фокусы, отвлекающие маневры, дезинформацию. Иногда не гнушаемся и тайными убийствами. Обычно этим занимаются колдуны. Им под силу заставить человека поверить в то, чего нет. Например, наколдовать призрачных солдат, чтобы Отряд казался более многочисленным и опасным.

В бою-то от этих фантомов мало толку.

Однако, несмотря на все намеки, я и подумать не мог, что подобная тактика может быть использована против меня. Слишком заиклился на первоначальных догадках. Я видел то, чего на самом деле не было, а то, что было, видел в ином свете.

Я все еще пытался отделить истинное от воображаемого, когда войско Ядра Баллисты появилось у обоих мостов. Я заметил, что на нашей стороне куда меньше живых людей, чем должно быть. Солдат замещают фантомы.

Я не желал верить, что мятежники, пусть и не столь многочисленные, как предсказывалось, всерьез рассчитывают захватить мосты под непрерывным обстрелом. Что-то было не так с обеих сторон.

Меня это раздражало. Я летописец. Я должен знать правду.

Мы разгромили Ядро Баллисты, завалив русло трупами мятежников, но он удерживал нас у реки, пока вторая колонна двигалась на Алоэ с востока.

Главные события происходили в другом месте. Сам я при них не присутствовал, и на то была причина: кое-кто меня перехитрил.

Если бы ты был Хромым, самым крутым из Взятых, имел зуб на Отряд и хотел следить за ситуацией издали, кого бы ты избрал своей жертвой? Кто тот болван, всюду сующий свой нос, считающий, что обязан вносить любую мелочь в свои драгоценные Анналы? Ты совершенно прав, сударь! Прямое попадание! Это Костоправ. Невольный предатель с благоприобретенной паранойей и заколдованным пером, которое позволяет злобному карлику читать каждое выходящее из-под него слово.

Старик с самого начала отвлекал меня и водил за нос.

С тех пор перед каждой встречей с ним я напоминаю себе: «Не суди об этом парне по тому, что он позволяет тебе увидеть и услышать».

Так что события, происшедшие в лагере, записаны со слов нескольких напуганных гонцов, видевших все при тусклом свете луны, и приправлены моим несравненным воображением.

Через западную стену лагеря перелетел черный прямоугольник и бесшумно опустился в укромном месте недалеко от штаба. В луче лунного света показался невысокий смутный силуэт и, подволакивая ногу, прокрался ко входу. Выждав немного и прислушавшись, незванный гость с помощью заклинания погрузил в сон оставшихся в штабе людей.

Внутри он жестами и словами сотворил бледно-желтый светящийся шарик. Тот плыл над головой Хромого, излучая достаточно света, чтобы хозяин не запнулся о передвинутую после его прошлого посещения мебель.

Взятый что-то учуял. Сильную, но дремлющую магическую ауру. Один из колдунов Отряда. Спит. Убить его? Почему бы и нет? Летописец все равно заметит исчезновение важной улики, если только мятежники его не прикончат.

Впрочем, на этих бездарей Хромой особенно не рассчитывал. Нынешняя повстанческая армия набрана из дилетантов.

Однако убивать колдуна нельзя. Колдуны – ключевые фигуры в его плане. В случае успеха жить им все равно останется недолго.

В этом чертовом Отряде хватает хитрецов. Они наверняка размножили указ и хорошенько запрятали копии. Когда Хромой вернет себе оригинал, с копиями разберутся завоуженные им колдуны. Он отдаст приказ через паучьи жвала, которые потом их убьют. Но оригинал необходимо найти. Госпожа ни за что не поверит, что это фальшивка. Оскорбление начертано его рукой.

Магическая аура всколыхнулась, будто почувствовав его приближение. Вот он где. Под столом летописца. Бочка лежит на боку и едва заметно шевелится. Рядом стоят еще две.

Одноглазый. Ключ к решению вопроса. Почему его не взяли в бой?

Что за бредовая идея – посадить лучшего колдуна в бочку? Возможно, в Анналах об этом написано. Или будет написано. Как бы то ни было, следует поторопиться. Предстоит долгий обратный путь. Нужно вернуться на пост прежде, чем его хватятся.

Он покачал ближайшую бочку. Не пустая, но и не тяжелая. Хромой решил опустошить ее, свалить туда бумаги летописца и разобраться с ними потом. А сейчас надо лететь обратно на запад.

Масло и Крутой, защищенные Третьим от сонного заклинания, подкрались к коврику Хромого. Масло приподнял угол. Рама была почти невесомой. Крутой подлез под нее. Посвечивая слабым – даже тусклее луны – фонарем, привязал к раме округлый деревянный сосуд в два фута длиной и четыре дюйма диаметром. Дернув за веревочку, присоединенную к концу

сосуда, он поспешно выбрался из-под ковра. Двое друзей отправились в город, чтобы встретиться там с Третьим и остальными солдатами, кто не отправился воевать с Ядром Баллисты.

Бочка под столом покачнулась. Лежавший внутри человек хотел ее покатить. Катиться было некуда: с двух сторон подпирали другие бочки. Хромой прошептал:

– Сейчас я тебя вызволю. – Разумеется, он не собирался этого делать, хотя пригодные для вскрытия бочки инструменты лежали на столе летописца. – Но сперва...

Хромой снял крышку с ближайшей стоячей бочки. Внутри какие-то серые бумажные шары. Вытряхнуть их будет проще простого.

Тут раздался стук. За ним вспышка. Хлопок. Бочка подскочила на добрый фут, ударилась о пол и опрокинулась. Хромой почувствовал: сработало какое-то заклинание.

Там еще один! В углу, в темноте! Остался незамеченным из-за ауры колдуна, что в бочке! Ловушка!

Осы и шершни загудели, приходя в себя после сна.

– Они ему новую дырку в заднице пробурили, – жестами показал Молчун. – Теперь у него комплект. Даже многослойная одежда не спасла. Но он до последней возможности набивал бочку бумагами, завывая похлеще Ревуна. Осы преследовали его, пока он на сотню футов не поднялся.

Все кругом покатывались со смеху. Капитан сыграл с Хромым отличную шутку. Готовил ее еще с прошлого визита Взятых, когда застукал колдуна-недомерка за возней с моими перьями и чернилами. Старик сразу понял, что к чему.

Однако не все пошло по его плану.

– Он додумался открыть бочку! Поверить не могу. Я-то рассчитывал, что осы через заливное отверстие на него полезут, соревнуясь друг с другом.

Я оглянулся на Одноглазого. Тот дулся – отчасти потому, что его одежду выстирали, пока он сидел в бочке, отчасти потому, что вместо привычного запаха годовалой немытости от него теперь разлило рассолом.

Я продолжил расспрашивать Капитана:

– Ты чем-то расстроен?

– Я просчитался. Серьезно недооценил противников. Шепот все сделала не так. Она точно в этом замешана, но я ждал, что ее лейтенант соберет достойный отряд мятежников, чтобы зайти нам в тыл.

Никакого достойного отряда там не оказалось. Попав в засаду, вторая колонна мятежников тотчас рассыпалась. В ней были одни молокососы.

– Капитан, она не глупа. Однажды уже проиграла Хрому и больше этого не допустит.

Капитан пожал плечами:

– Ладно, все равно мы не зря старались.

– Во всем можно найти светлую сторону. Вот, например, ко мне уже три дня никто с грибком не обращался.

Возвращаясь на пост, Хромой должен был пересечь смертоносную пустыню, пресловутую равнину Страха. Как обычно, огромные летучие существа взмыли, чтобы преградить путь незваному гостю. Колдун уворачивался, пикировал и маневрировал. Для Взятых полет над равниной Страха был сущим пустяком. Если лавирование не помогало, он всегда мог прибегнуть к чарам.

Из-за тряски содержимое привязанного под ковром сосуда перемешалось. Наконец от резкого толчка сработал спусковой механизм.

Взрывом снесло переднюю половину ковра. В этот момент Хромой выполнял крутой подъем на высоте две тысячи триста футов. Его бросило вбок. Бочка покатилась следом. Горящие клочья ткани и куски рамы посыпались вниз.

Взятый сотворил защитные чары, а потом до самой земли исторгал проклятия.

Черный Отряд снова его провел. Враги разгадали замысел Хромого. Может, его предала Шепот. В любом случае оригинал указа, который колдун, как он надеялся, заполучил, наверняка остался у Отряда.

В этот раз замести следы не получится. Хромому предстоит долгая прогулка через равнину Страха. На работу он явится с большим опозданием.

7. Однажды: Вопреки объективной реальности

К девушке вернулась неземная красота, какой она, несомненно, обладала при жизни. Но чего-то не хватало. Не все пошло по плану. Она ничего не помнила. Сохранила основные речевые навыки, но говорила редко и заторможенно. Почти не проявляла любопытства и склонности к учебе и практически не ухаживала за собой.

Некроманту не приходилось нянчиться с ней как с ребенком, однако ее личность оказалась практически стерта.

Он сказал, что ее зовут Лаиссой и что она его дочь. Это имя он выбрал, потому что в молодости был влюблен в женщину по имени Лаисса, и если бы у них была дочь, то сейчас ей было бы столько же, сколько этой девушке. Он рассказал, что ее мать умерла от родильной горячки, – почти правда в его искаженном восприятии. Любимая действительно умерла примерно в то время, когда появилась на свет эта девушка. Он пытался спасти Лаиссу, когда унялся его гнев, но было слишком поздно.

Нынешняя же Лаисса, согласно «легенде» некроманта, долго мучилась лихорадкой и только недавно пошла на поправку. Рано или поздно память должна к ней вернуться.

Утрата ничуть не беспокоила Лаиссу. Воскрешенная ничего не знала, а потому ни о чем не грустила. Ей не было одиноко. Она просто была.

Их с некромантом совместная жизнь понемногу налаживалась. Девушка выполняла мелкую работу по дому. Он почти все время проводил в кабинете, выясняя, какой просчет с его стороны стоил питомице ее разума.

Он не был ни религиозным, ни суеверным, но подозревал, что ее душа попросту успела покинуть тело прежде, чем его вернули к жизни.

Некромант уже готовил новое оживление. Много времени и труда на это не понадобится, но... ему придется неоднократно съездить в Сумрак, прежде чем будет составлен окончательный план действий. Великое зло, засевшее в Благодатной башне, конечно же, не прекратит избавляться от трупов прежним образом, однако необходимо проверить, не изменилось ли что-нибудь в надзоре за этой процедурой.

Его не покидала мысль, что похищение Лаиссы не прошло незамеченным.

Мирские дела колдуна не волновали. Он общался только с Лаиссой, которой разговоры были неинтересны. Последний раз он беседовал с кем-то еще в ту ночь, у Нефритовых ворот.

Ему предстоит подготовиться, прежде чем вновь влиться в общество.

Но нельзя оставлять Лаиссу одну. Осторожность ей неведома. Она понемногу научилась за собой следить, но все равно может пораниться. Брать ее в Сумрак тоже опасно. Ее необычность сразу бросится в глаза окружающим, а любой прохожий маг легко почувствует ауру некромантии.

Это обречет обоих на верную гибель.

Спустя полтора месяца после воскрешения некромант обнаружил прискорбную вещь: Лаисса слабеет, ею все больше овладевает вялость. Неопытный наблюдатель мог бы еще несколько месяцев не замечать изменений, но для него они были налицо.

Ее тянет назад смерть. Возвращает то, что у нее украдено.

Вскоре цепкие когти смерти станут видны даже слепому.

Некромант без промедления разработал курс ежемесячных процедур, чтобы остановить увядание Лаиссы. Но эти процедуры чрезвычайно болезненны.

Его проект, его победа, его девушка, его дочь обречена на вечную юность и вечную красоту... увы, и на вечное умирание.

Он впал в тоску. Его привязанность к девушке вышла за рамки отношений между экспериментатором и объектом эксперимента. Он подсознательно связал ее с той Лаиссой, которой давно нет в живых. Оторвался от реальности.

Он понимал это. Его ситуация – палка о двух концах. Можно поддерживать жизнь в Лаиссе, пока не найдется способ спасти ее окончательно и бесповоротно, а можно отказаться от нее в пользу нового, идеального воскрешения.

Эмоции возобладали. Он выбрал свою красавицу.

8. Давным-давно в далеких землях: Сестры

Шесть дней душевное состояние Бетдек было не лучше, чем у главного камергера. Властелин мог в любой момент послать за ней или Доротеей.

Однако его отвлекли и разъярили события в Великом лесу, где три отряда опытных бойцов были уничтожены до последнего человека, до последнего животного дикарями Белой Розы, не желавшими мириться с неминуемой гибелью.

Эта неудача не была первой. Пламя мятежа полыхало на всех границах. Властелин и его Десять не могли разом находиться везде.

В приступе гнева Властелин приказал спалить древний Великий лес, не оставив даже чахлого кустика. Предприятие такого масштаба опустошило бы казну Владычества на десятки лет вперед, но Властелин не понимал, что у богатства есть рамки. Он вообще не знал слово «рамки». Он должен был подчинять, уничтожать, стирать с лица земли всех, кто осмеливался ему противостоять.

На седьмое утро после исчезновения Доротеи Бетдек получила от Сайлит ответ на просьбу о встрече. Сестры Сеньяк не доверяли друг дружке. И жутко ревновали.

Сайлит жила в роскошных покоях. Повелитель был щедр; семейство Сеньяк помогло ему прибрать мир к рукам, а преданность сестер гарантировала, что таковым он и останется. Одна из девушек стала его девицей-невестой. Точно не сама Бетдек. Она была уверена, что все ее сестры по-прежнему девственны, несмотря на те непотребства, что с ними порой вытворял Властелин.

Но постойте-ка! Вдруг Бетдек выдали без ее ведома? Мать вполне на такое способна.

Никаких церемоний. Никаких свадебных торжеств. Все произошло втайне, с молчаливого согласия родителей. Да, дева-невеста Властелина может и не знать, что она теперь замужем.

Бетдек полагала, что женой Властелина стала либо Сайлит, либо их старшая сестра Ардат. Не Доротея – ею Властелин наслаждался бы вдоволь, если бы имел на это легальное право. Доротея воплощала все его фантазии. Она была буквально создана для роли его жены. Однако...

Наступил бы сущий ад, если бы Доротею, тайную жену, случайно убили лакеи.

Ардат. Жуткая Ардат. Старшая сестра была рядом с Сайлит. Неприятный сюрприз. Бетдек не ладила с Ардат.

Ее сестры были сногсшибательно прекрасными, но их коварство не знало границ. Ардат еще не исполнилось двадцати. Поговаривали, что у нее или у Сайлит когда-то была сестра-близнец. Но детские воспоминания Бетдек были отчетливыми. Она не помнила никакой другой старшей сестры. Был только брат, родившийся после Сайлит, но его унесла болезнь, когда Бетдек еще лежала в пеленках. Его она совершенно не помнила.

Сестры Сеньяк обладали невероятным могуществом. У каждой был талант к колдовству, превосходящий силу едва ли не любого из Десяти Взятых, многие из которых также были отпрысками клана Сеньяк.

Бетдек не отдавала себе отчета в том, что не уступала красотой сестрам. Невнимательный наблюдатель мог решить, что они – тройняшки. Только Доротея отличалась от остальных, да и то лишь цветом волос. Ее фигура была такой же, пусть и до конца не оформившейся.

Зачатию Доротеи сопутствовал скандал. Злые языки шептались, что ее мать сношалась с Властелином. Если так, то его брак с Доротеей мог принять неожиданный оборот.

Все сестры Сеньяк были юными копиями своей матери. Та настолько поднаторела в обмане времени и деторождения, что рядом с ними могла сойти еще за одну сестру.

– Ты из-за Доротеи? – спросила Сайлит.

– Да.

Бетдек не удивляло, что сестры знают причину ее визита. Главный камергер шпионил для всех. Она лишь надеялась, что Властелину этот человек не докладывает.

Бетдек рассказала обо всем, что знала, но не о том, что подозревала.

– Что нам делать? – спросила она.

Исчезновение Доротеи касалось их, хотели они того или нет. В последнее время Властелин был особенно подозрителен, и не без причины. Оказалось, что у него больше врагов, чем можно было подумать. Ему вполне могло прийти в голову, что и семья Сеньяк замышляет предательство. Каждый из ее членов, вырвавшись из-под его власти, унесет с собой частичку его могущества. Украдет то, что по праву принадлежит ему.

– Продолжай поиски, – ответила Сайлит. – Мы сделаем так, что тебя не вызовут. В гневе им легко управлять. А новости с рубежей такие, что его гнев пройдет не скоро.

Бетдек завидовала способности сестер в любой ситуации хранить самообладание. Сама она была не готова к встрече с безумцем.

Сайлит добавила:

– Рано или поздно ему придется узнать, но лишь тогда, когда все его мысли будут заняты новым сокрушительным поражением. Этот день обязательно наступит, и нам понадобятся любые, даже мельчайшие, детали, чтобы навязать ему нашу версию событий.

Бетдек кивнула. Зависть к сестрам все разгоралась. Это они, а не Властелин на самом деле правят Владычеством.

– Теперь иди, – сказала Сайлит.

Бетдек ушла, размышляя, почему Ардат не произнесла ни слова. Жизнь Ардат идет в постоянном жестоком соперничестве с Сайлит. У нее должны быть свои идеи.

Или ситуация настолько плоха, что спорам не осталось места? Такое сложно представить. Бетдек и без того убеждена, что все катится к чертям.

9. Наши дни: Костяная пыль

Военная кампания закончилась. Погода стояла мерзкая. Народу в «Темной лошадке» было до черта. Работы на всех солдат не хватало. Жене и сестре Маркега Зораба приходилось помогать официанткам. Некоторые распутники надеялись, что к ним присоединится и его аппетитная дочь Сора.

Масло выругался, увидев последнюю карту. Он сдавал сам, но это не помогло. Удача обходила его стороной.

– Костоправ, ты все выигрываешь, а сам мрачнее тучи.

– Кошмар всю ночь снился. Никак в себя не приду.

Молчун жестом спросил:

– *Тот же самый?*

– То же воспоминание. – О времени, когда я был заключен в Башне. Подробности улетучились с пробуждением, но ужас остался. – Третью ночь подряд.

Масло усмехнулся:

– Должно быть, твоя милашка тебя вспоминает.

Старый сплетник.

– *Прекрати*, – сказал Молчун.

Мой ход. Я раскрылся с одиннадцатью очками. Масло снова выругался. Молчун просто помотал головой. Причиндал, игравший вместо Одноглазого, притворно утер слезу.

– Когда бранное поле не бранное? – спросил он.

– Чего? – прокричал Масло. – Какая-то тупая загадка?

Неудивительно. У Масла с загадками беда. Он эти орешки молотком и мечом раскалывает.

– Одноглазый так сказал, когда мы последний раз с ним говорили.

Я огляделся. Из колдунов в трактире был только Молчун.

– А где, кстати, Гоблин с Одноглазым? – спросил я.

Их ученика Третьего тоже не было. Он обычно не упускал возможности накачаться пивом. Немудрено, с такими-то наставниками.

Молчун сдал карты. Масло взял свои, будто боялся обжечься.

– Раз обоих нет, жди беды.

Двое колдунов всегда что-то замыслили, но не всегда вместе. Сидевших за столом охватило дурное предчувствие. Причиндал пробормотал:

– Точно жди беды.

Молчун мрачно кивнул.

В этот весьма неподходящий момент Зораб поставил на стол кувшин пива и буркнул:

– Мухи объявились.

Не желая оставлять бар без присмотра, он тут же ретировался.

Я сбросил семерку пик. Причиндал забрал ее, выложил комбинацию пять-шесть-семь-восемь и сбросил красную пятерку. Значит, у него в руке либо туз, либо двойка. Масло с Молчуном уже выложили все тройки и четверки, и Причиндал бы взял их, если бы захотел. Никто не жаловался на свои карты. Темы для разговора тоже внезапно закончились. Все сосредоточилось на игре и выпивке.

В пивную вошел Дохломух. Высоченный, кожа да кости – но образ был бы неполон без лишних ног и глаз. Он распахнул плащ, и оттуда вылетел целый мушиный рой.

Причиндал повторил:

– Когда бранное поле не бранное?

Я понял, что в зависимости от контекста этот вопрос можно истолковать по-разному.

Дохломух. Настоящее имя – Шоре Чодроз, колдун-полковник с большими полномочиями из штаба восточной армии. Дар, ниспосланный Черному Отряду Взятой по имени Шепот. Истинную цель своего визита он не разглашал. Говорили, что этот тип – бесноватый человеко-ненавистник. Наши главные колдуны пропали как раз после его приезда. Прозвище Дохломух привязалось к нему, когда наш Лейтенант, увидев его высокомерную рожу и сопровождавшего его огромного телохранителя, промолвил: «Этот и двух дохлых мух не стоит».

В отместку Дохломух призвал гораздо больше мух – живых и весьма кусачих.

Масло сдал. Остальные втянули голову в плечи. Ох и рассердится кто-то!

Я невольно встретился взглядом с Дохломухом, в очередной раз удивляясь, как тому удалось сохранить целыми зенки. На левой половине его лица красовался огромный иссиня-багровый шрам, протянувшийся со лба до подбородка, но не затронувший глаз. Вероятно, кто-то приласкал его алебардой.

Он направился к нам. И... Ой! Дело плохо – он насторожился. А взволнованный колдун – существо пренеприятнейшее.

Но не мы были причиной. Нас он просто презирал, хотя на всякий случай не отпускал далеко телохранителя. Знал, на что способен Отряд.

Кстати, а где сейчас Канючий Зоб?

Дохломух указал на нас с Молчуном:

– Вы двое, за мной.

Черт. Заваривается дрянная каша.

– С вещами.

Я всегда таскаю с собой лекарскую сумку. Нельзя предугадать, когда понадобится заштопать какого-нибудь оболтуса.

Дохломух направился к выходу. Он не мог даже представить, что мы не подчинимся.

Молчун вышел на улицу и замер. Я уткнулся ему в спину:

– Эй! Кончай выкаблучиваться!

В последнее время Молчун повадился замирать в самых неожиданных местах, будто мим.

В этот раз дело было в ином. В погоде.

Налетевший с севера ветер бросал нам в лицо снежные хлопья.

Дохломуха непогода не беспокоила. И он, в отличие от нас, не был пьян. На холоде мне сильно захотелось помочиться, но колдун рывкнул:

– Идем!

И я пошел.

Канюк ждал нас снаружи в полном боевом облачении. Даже старомодный каплевидный щит где-то раздобыл. Выглядел он изможденным, будто долго мучился животом.

Он был настоящей скалой. Таким ребятам обычно дают прозвища Кроха или Мелкий Кто-Нибудь, и особой подвижностью они не отличаются. Однако этот ходячий шкаф был невероятно проворен, чудовищно силен и вдвойне умен по сравнению со своим хозяином.

Его прозвали Канючим Зобом за узловатую шею и массивный кадык. Потом имя сократили до Канюка.

Он был немногословен. Зато любили его так же сильно, как ненавидели Дохломуха. Канюк утверждал, что побывал вместе с Отрядом в нескольких серьезных переделках, включая битву при Чарах.

Дохломух зашагал по улице. Мы – за ним. Я надеялся, что мне не придется долго терпеть.

На самом деле мы вполне могли послать Дохломуха куда подальше. Официально мы ему не подчинялись. Но он был на короткой ноге с Шепот, а той только дай повод насолить Отряду.

Кто знает, сколько еще он будет путаться у нас под ногами. Вдобавок мне очень хотелось узнать, отчего так разволновался колдун-паук.

Алоэ – крупнейший город на сотни миль вокруг, но весьма компактный. Мы следовали за Дохломухом не более трети мили, к огражденному зданию из красного кирпича на побеленном известняковом фундаменте.

– Вон. – Колдун указал на гору коричневого меха на сухой клумбе между фундаментом и поребриком.

Шерсть и мертвые цветы колыхались на ветру.

– Выглядит полуживым, – заметил я.

Молчун ничего не сказал. Канюк схватился за живот.

– Кто это? – спросил я.

На барсука не похоже. Животное слишком крупное, да и окрас не тот. Для медведя – слишком маленькое, и не водятся в здешних краях медведи.

– Не знаю, – ответил Дохломух. – Но чую магию.

Молчун согласно кивнул. Канюку явно хотелось присесть.

Отойдя в сторону, я наконец опорожнил мочевой пузырь. Поднялся парок; залетая в него, таяли снежинки. Хлопья все крупнее, значит теплеет.

Я подошел к неизвестному животному. Оно свернулось кольцом, словно мокрица.

Дохломух сказал:

– Было еще два. Разбежались, заметив нас.

– А я их не видел, – возразил Канюк.

– Пробежали несколько шагов и будто растаяли в воздухе, – объяснил Дохломух, изрядно нервничая.

С чего бы это?

– Как они выглядели? – спросил я.

– Вроде гигантских бобров или сурков. Скрылись слишком быстро, чтобы разглядеть.

Ну ладно. Бобры с сурками – не медведи, управа на них найдется.

Оставшийся зверь окрасом не был похож на сурка. А вот насчет гигантских бобров я не был уверен.

Тут я почувствовал движение, не вызванное ветром.

Молчун дал знак магической угрозы.

– Вершится волшебство, – произнес Дохломух.

Он явно имел в виду волшебство другого сорта, нежели те фокусы, которыми развлекают детей.

Но ничего ужасного не произошло. Волшебный момент окончился пшиком.

Я опустился на колени и принялся строить из себя ветеринара.

Зверь дышал медленно и глубоко. Сердце билось редко. Впал в спячку, как медведь зимой?

Он не проснулся и не набросился на меня. Дохломух воспринял это как сигнал к возвращению его привычного высокомерного вида.

Мы с Молчуном понесли животное на щите Канюка. Сам Канюк не мог нам помочь: слишком уж высоким он был. Вся тяжесть досталась бы тому, кто взялся за нижний край щита. Вдобавок телохранитель с трудом справлялся с позывами к опорожнению кишечника.

Но вот наконец животное оказалось на столе в моем лазарете. Дохломух по-паучьи при-
могнулся на табуретке, благоразумно держа язык за зубами. Пришли Капитан и Леденец. Как и

колдун, они молча наблюдали за работой специалиста. Канюк воспользовался случаем, чтобы оккупировать уборную.

– Ну и уродливая же тварь, – вынес вердикт специалист.

Распластанный на столе зверь больше напоминал бабуина, чем бобра. Его морда была похожа на жуткую алую маску. Зубам позавидовал бы и крокодил. Глаза были змеиными, а на каждой лапе красовались частично втяжные когти и короткие, но выраженные большие пальцы.

Никто такого прежде не видел.

– Воняет, как из пасти стервятника, – заметил Леденец.

Сердцебиение зверя ускорялось.

– Наверное, холод его усыпил.

Хоть какая-то польза от этой дрянной погоды.

Капитан поковырялся в печном дымоходе.

– Значит, до потепления этих тварей бояться не следует.

А потепление себя ждать не заставит. Местный парень Причиндал пообещал, что до наступления зимних холодов будет еще одна по-весеннему мягкая неделя.

Леденец, третий по рангу в нашем Отряде, обратился ко мне:

– Костоправ?

Нам предстояло много работы. Важной работы. Неспроста же они со Стариком самостоятельно пришли посмотреть.

Им что-то известно? Дохломух, несомненно, думал о том же.

Старик обычно немногословен. Но сейчас он сгорал от любопытства и болтал без умолку:

– Он волшебный? Как называется? Откуда? Кто его призвал? Опасный? Ответьте мне хоть кто-нибудь!

Он был уверен, что это дело рук Дохломуха.

Тот качал головой:

– Клянусь, впервые вижу такого.

– Где Гоблин с Одноглазым? Кто знает?

– Уже несколько дней ни слуху ни духу, – ответил Леденец.

– Полковник утверждает, что этих тварей было больше, – напомнил я. – Надо бы найти остальных, пока не потеплело. – Я был уверен, что добра от них ждать не следует.

– Это какое-то новое оружие? – задумался Леденец.

– Когда бранное поле не бранное?

Дохломух в недоумении нахмурился.

Недавно мы истребили местную ячейку мятежников, что разозлило некоторых наших «друзей». Обнаружили доказательства недобросовестности и злоупотребления полномочиями, вызвав гнев виновных. Сама Шепот оказалась в неловком положении. Возможно, поэтому к нам и пожаловал Дохломух.

Я рассчитывал, что выжившие мятежники отступят, чтобы набрать и обучить новых рекрутов, вооружиться и запастись провизией, и дождутся, когда Отряд переведут в другое место. При отсутствии внешних угроз неприязнь к армии Госпожи росла как на дрожжах.

Доноски сообщили, что мира ждать не следует. Главари мятежников хотят прибрать Алоэ к рукам. По слухам, в городе может находиться Портал Теней.

Большинство жителей Алоэ не слышали этих отголосков прошлого. Наши осведомители среди мятежников – слышали. От страха честные ребята иногда переходили на нашу сторону.

Я много читаю. Копаюсь в фольклоре, легендах и местной истории. Портал Теней – часть замысла по воскрешению Властелина, хозяина старого Владычества. Многие по-прежнему поклоняются ему как полубогу. Через Портал Теней он может вернуться с того света.

Некоторые предводители мятежников – тайные воскресители. Они суют палки в колеса Госпоже с того дня, когда она сама чудом спаслась, оставив мужа погибать.

Наше назначение в Алоэ объясняется необходимостью отдохнуть, но на деле расслабиться нам не удастся. Мы играем важную роль в неизвестном нам плане повелительницы. А слухи о Портале Теней с каждым днем все тревожнее.

Старик и его ближайшее окружение о чем-то знают, но летописца в известность не ставят. Дело летописца – записывать. То, что записано, весьма сложно подвергнуть сомнению.

Что, если это чудище – новое оружие воскресителей? Наши враги еще не замечены в использовании смертоносных паранормальных тварей. Скорее, такого можно ожидать от нас.

Капитан наклонился и потыкал в зверя пальцем. Обратился к Молчуну:

– Как лучше – попросить Костоправа разрезать эту тварь и взглянуть, что у нее внутри, или запереть ее в клетке и подождать?

Молчун пожал плечами. Это было не в его компетенции.

Тогда Капитан взглянул на Дохламуху:

– А ты что скажешь, полковник?

Старика интересовало, не скрывает ли тот чего. Ведь зверя нашел именно Дохламух.

Колдун оставался невозмутим. Он знал, что мы сразу его заподозрили и продолжим подозревать.

– Пусть живет. Только держите его в холоде. И разыщите других. Найдете здорового – вскройте.

Он покосился на Молчуна. Тот вновь пожал плечами, упорно не желая высказывать свое мнение.

Я согнулся над зверем, прочесал шерсть в поисках паразитов. По наличию блох, клещей и вшей многое можно узнать.

– Нагревается, – пробормотал я.

И в тот же миг был оттолкнут Молчуном.

Из ноздрей зверя повалили черные хлопья.

– Подайте склянку. Несколько склянок.

На свет показался черный жук, такой же блестящий, как и хлопья. Он огляделся вокруг, будто оценивая свои новые владения.

– Это еще кто? Скарабей? – поинтересовался Старик.

Следом выбрался другой жук, уткнулся в первого. Первому это не понравилось. Ух ты! Никаких угроз и ритуальных танцев. Жуки просто принялись кромсать друг друга огромными, похожими на медвежьи капканы, жвалами.

Я простонал:

– Кто-нибудь понимает, что происходит?

Никто не понимал. Однако Дохламух схватил мою самую большую склянку и натянул зверю на голову, заткнув промежутки тряпками.

Леденец живо смылся, оставив дверь нараспашку. Пока Молчун ее не закрыл, внутрь намело снега.

Черные хлопья были предвестниками появления новых жуков. Эти не дрались, а лишь пытались выбраться. Мешала склянка.

Тогда они впали в неистовство.

– Ай да резня! – Даже Капитан был поражен, что для него большая редкость.

Зверь стал сдвигаться. Дохламух подоткнул под склянку еще тряпок. Несколько блестящих жуков принялись рвать жвалами ткань.

Отвлекались они, лишь когда задевали друг друга.

– Все в склянку не поместятся, – заметил Дохламух. – Сюда бы бочку.

Бамм! Вернулся Леденец, притащил огромный жестяной бак из пищеблока. В нем хранили зерно и муку. Крышка на петлях защищала от проникновения паразитов.

– В самый раз, – с ноткой восхищения произнес Дохломух.

Он не ожидал такой сообразительности от людей, которых рассчитывал без труда заманить в капкан.

– Толкайте его сюда вместе с банкой, – скомандовал Леденец, укладывая бак таким образом, чтобы Дохломух мог спихнуть зверя со стола прямо в него.

Колдун прижал руки к груди, будто выпрашивающий угощение пес. Ему да пальчики марать?

– Чего?! – рывкнул Старик. – Толкай чертову тушу!

В этот момент особо отважный жук решил выбраться через задний проход животного. По воле случая рядом оказался палец Дохломуха, за который жук не преминул цапнуть. Дохломух взвыл:

– Ох черт! Проклятье, больно-то как!

Когда зверь шлепнулся в емкость, из него появился еще более суровый жучила с безразмерными жвалищами и похожим на воронку задом. Растопырив крылья, он налетел на Дохломуху. Сел на тыльную сторону левой кисти, уцепился и от души куснул. Упершись головой, жук изогнулся и погрузил в рану задний конец своего тела.

Все это произошло в мгновение ока. Дохломух снова завопил.

Молчун пришиб жука.

Леденец захлопнул крышку бака. После зверя на столе осталось несколько извивающихся личинок. Старик принялся ловить жуков, которым удалось сбежать. Мы с Молчуном усадили Дохломуху на стул. Долговязый колдун дрожал. Болевой шок? Вряд ли, укус был не настолько силен. Яд?

– *Жук отложил яйца*, – языком пальцев сказал Молчун.

Жестяная крышка дребезжала, словно железная крыша в ураган.

Старик прихлопнул последнего беглеца и взялся за личинок.

– Леденец, сбрось бак в выгребную яму, а потом собери всех, кто болтается без дела, и отправь на поиски остальных тварей. Собак возьми. – Он подошел взглянуть, как я выковыриваю едва видимые кремовые шарики из руки Дохломуха.

С мороза появился сержант Эльмо:

– Смотрите, кого я поймал с мешком краденого хлеба и свиной грудинки!

Он держал за шкурку нашего молодого колдуна, Третьего.

Леденец унес дребезжащий бак. Молчуну опять пришлось закрывать за ним дверь.

Третий выглядел совершенно несчастным. По правде говоря, с тех пор, как он спутался с Гоблином и Одноглазым, поводов для счастья у него было не много. Вновь и вновь он попадал в переделки.

Старик развалился на стуле и смерил Третьего взглядом. «Ну, давай сочини что-нибудь интересное», – говорил он всем своим видом.

Молчун подал мне банку карболки. Я поместил в нее яйца жука, а затем сбрызнул раствором раны Дохломуха. Тот заскулил.

Третий решил ответить:

– Одноглазый послал меня за едой.

Неужто? Мелкий пакостник никогда не был охоч до свиной грудинки. А вот сам Третий готов жрать ее хоть с живой свиньи.

Я продолжал латать Дохломуху. Молчун разглядывал личинок в банке. Те вели себя не спокойнее взрослых особей. Старик сверлил взглядом Третьего. Снаружи стало шумно – Леденец передал людям приказ Капитана.

Вернулся Канюк. Выглядел он чуть румянее смерти. После похода в нужник ему не полегчало.

– Это я для себя взял, – изменил показания Третий. – Сержант Эльмо застукал меня прежде, чем я начал собирать еду для Одноглазого.

– А у парня правильные приоритеты, – заметил я.

Даже Дохломух нашел силы слабо улыбнуться. Его по-прежнему била дрожь.

Старик проворчал:

– Не сводите глаз с полковника, пока не будете уверены, что ему ничего не грозит. Нельзя давать Шепот лишний повод. А ты, – он ткнул пальцем в Третьего, – со мной.

Канюк принялся сдвигать пылинки с хозяина. Дохломух простонал:

– Теш, ты выглядишь так, будто тебя только что пронесло в штаны. И воняешь соответственно. – Он дотронулся до меня здоровой рукой. – Помоги ему. Я уж как-нибудь выживу.

Я предположил, что Канюк где-то нахлебался грязной воды. Что ж, впредь будет осторожнее. Я дал ему микстуру и наказал не уходить далеко от нужника. Он был не рад временному расставанию с Дохломухом.

– Но ты же остался жив и идешь на поправку, – ответил я, когда Дохломух предположил, что мы специально все подстроили, чтобы ему насолить. – Наверное, сам наколдовал этих зверей, а потом от них же и пострадал.

Я сказал это не всерьез. Предположение было удивительным в своей абсурдности, но Дохломух вдруг задумался. Рассчитывал, что и нас покусает?

Впору рисовать мишень на спине у Шепот. Чем меньше порядка в штабе, тем меньше будут донимать нас, любимчиков Госпожи.

Я повторил уже набившую оскомину фразу:

– Когда бранное поле не бранное?

Дохломух взглянул на меня с любопытством:

– Интересный вопрос, врачеватель. Весьма актуальный в наше беспокойное время.

Он склонил голову и прислушался. Я уловил отдаленный звон колокольчиков. Мне стало не по себе. Звук живо напомнил о моих недавних кошмарах.

– Я прилягу и поразмыслю над ним. – Дохломух указал на койку.

Я тоже забрался под одеяло и не вылезал, пока меня не растолкал Капитан.

– Что с ним?

Я повернул голову к Дохломуху. Тот лежал на своей койке, на спине. По щеке размазались слюни. На носу болталась сопля. Красавчик.

– Который час?

– Ночь на дворе. Мы поймали других тварей. Как Чодроз?

– Был все тем же гадким уродом, когда я ложился.

Я опустил ноги на холодный земляной пол, зевнул и поднялся. Наша болтовня не разбудила Дохломуха.

Не успел я дотронуться до него, как почувствовал жар.

Капитан сказал:

– Собаки вынюхали тварей. Валялись без сознания от холода. Ребята сложили их в баки и сожгли в яме. Ни одного жука не проглядели.

– Дохломух весь горит. Надо бы обложить его снегом.

– Делай что хочешь, только не допусти, чтобы он подох.

У Дохломуха был частый неровный пульс и высокая температура.

– Одному мне не справиться. – Я начал раздевать полковника, но он по-прежнему не просыпался. – Третий еще что-нибудь рассказал?

Старика перекосило так, будто он наполнил рот жжеными квасцами.

Гоблин и Одноглазый действительно что-то замыслили. С его молчаливого одобрения. Старик с суровым видом схватил ведро и вышел на улицу. Там бушевала метель. Вскоре он вернулся с ведром грязного снега.

Я осмотрел руку Дохломуха. От самой что ни на есть серьезной раны тянулись алые прожилки.

– Заражение крови? – спросил Капитан.

– Какой-то яд. Заражение крови так агрессивно не проявляется.

Под кожей что-то зашевелилось. Я достал не все яйца.

– Помоги перенести его на стол. Я заново обработаю рану, а ты обложишь его снегом. Начиная с головы и шеи. Нужно охладить мозг.

Мы принялись за работу. Снег быстро таял, грязные струйки стекали на пол. Я орудовал скальпелем. Старик снова и снова выбегал с ведром.

– Может, проще кинуть его в сугроб?

– Не могу работать в темноте. К тому же ты сам приказал не допустить его смерти.

Я извлек двух тощих личинок и бросил в спирт. Следующая, надеюсь я, должна быть последней.

– От этих козявок у него заражение?

– Вероятно, от их испражнений.

– Какая мерзость!

– Такова жизнь.

В некоторых своих проявлениях жизнь была мерзкой для многих из нас.

За работой я складывал в уме кусочки мозаики. Надеюсь, что ошибаюсь, но боялся, что смотрю прямо в выпученные алые глаза грядущему хаосу.

– Зачем жгут?

– Чтобы яд не разошелся по телу. Не хочется ампутировать руку.

– Скверный оборот.

Еще какой скверный.

– В худшем случае мне придется спросить у него разрешения. Если очнется.

– Нужно позвать еще кого-нибудь. Может, Молчун его разбудит?

– Мне нельзя уходить. Где Канюка черти носят?

– Он у себя в койке. Без чувств и по уши в дерьме. Помер бы, если бы ты не напоил его тем чаем. Бедняги Причиндал с Минкусом за ним приглядывают.

Минкус Скадд – мой новый ученик. Совершенно бестолковый.

– Принесу еще снега, а потом разыщу кого-нибудь на подмогу, – решил Капитан.

Значит, старину Канюка сразил лютый понос ровно тогда, когда его начальник решил помереть от заражения потусторонними паразитами? Нужно обратить на это внимание. Узнать, в какой момент Канюк подхватил убийственную дроботуху и кто при этом присутствовал.

Я вытащил последнюю личинку. Старик принес ведро.

– Когда бранное поле не бранное? – задумчиво пробубнил я.

Капитан подозрительно на меня покосился, пожал плечами и медвежьей походкой побрел прочь.

Ключ к загадке мог таиться в этом неоднократно повторяемом вопросе. Он мог привести меня к другому вопросу, с меньшим количеством подтекстов: «Когда мой враг мне не враг?»

Появились закадычные друзья – Масло с Крутым. Они собирались сбежать в город, чтобы немножко обогатить Маркега Зораба, но Капитан их застукал. Теперь придется потаскать снег.

Капитан объявился не сразу. Сперва он отправился вздремнуть, а после вернулся и привел с собой Третьего. Колдун-недоучка был в легких кандалах.

– Кроме него, никого не осталось. Даже Молчун куда-то подевался.

Третий встряхивал спутанными кудрями, словно в трансе.

Ответам придется подождать. Дохломуху не становилось лучше. Снег не помогал. Я сказал Третьему:

– Необходимо разбудить полковника. Мне надо с ним поговорить. Его может спасти только ампутация, но оперировать без его согласия я не могу.

– Зачем с ним возиться? Избавимся от него, и дело с концом.

– Я спасаю всех, кого могу. – Не то чтобы я не делал исключений, но Дохломух был недостаточно гнусен, чтобы внести его в черный список. – К тому же он любимчик Шепот.

– Как-то не похож он на любимчика. – Третий окинул Дохломуха взглядом. – Не уверен, что справлюсь. Молчун вырубил его так, чтобы он вообще ничего не чувствовал.

– Не справишься?

– Я сказал «не уверен, что справлюсь». Готовьтесь затыкать уши. Он решит, будто у него горит рука.

– Тогда подожди. – Я покрыл запястье Дохломуха обезболивающей мазью. – Теперь давай.

Дохломух нас удивил. Даже не поморщился от боли. Повел себя пугающе нормально и отказался без крайней необходимости расставаться с конечностью.

Как по мне, так ему уже четырех не доставало.

– Без необходимости не отрежу, – пообещал я.

Он оказался между двух огней. Я не испытывал к нему симпатии, но он прекрасно понимал, что калечить его мне нет никакой нужды – куда проще оставить без медицинской помощи.

Наконец боль взяла верх.

– Если другого выхода нет, режь.

Я накачивал полковника обезболивающим отваром, и язык у него заплетался.

Капитан говорил с Дохломухом спокойно и ласково, как с братом. Хотел воспользоваться возможностью и выведать какие-нибудь секреты, пока колдун одурманен.

Я готовился к операции, твердо убежденный, что без нее уже не обойтись. Прислушивался к разговору. Дохломух нес какую-то чепуху. Он был стар, закален и упрям. Старик не мог ничего от него добиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.